

КЕЙТ МОРТОН

ХРАНИТЕЛЬНИЦА — ТАЙН —

РОМАН

The Big Book

Кейт Мортон

Хранительница тайн

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Мортон К.

Хранительница тайн / К. Мортон — «Азбука-Аттикус»,
2012 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-19526-4

Начало 1960-х годов. Семнадцатилетняя Лорел Николсон, старшая дочь в благополучном провинциальном английском семействе, видит, как ее мать, Дороти, убивает ножом подошедшего к дому незнакомца. Полиция, не особенно разбираясь в обстоятельствах, делает вывод, что убитый – маньяк, а поступок матери – самозащита. Проходит пятьдесят лет. Лорел – прославленная актриса. Но история, случившаяся когда-то, не выходит у нее из головы. И однажды, роясь в материнских вещах, она находит фотографию женщины, супруги популярного до войны и забытого ныне писателя. Лорел чувствует, что здесь-то и скрыт ответ на загадку, которая не дает ей покоя...

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-19526-4

© Мортон К., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Часть первая. Лорел	6
1	6
2	13
3	19
4	25
5	31
6	35
7	43
8	50
9	60
10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кейт Мортон

Хранительница тайн

Kate Morton

THE SECRET KEEPER

Copyright © Kate Morton, 2012

All rights reserved

© Е. М. Доброхотова-Майкова, 2015

© М. В. Клеветенко, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Часть первая. Лорел

1

Глухой уголок сельской Англии, летний день, начало шестидесятых. Беленый фермерский дом без претензий, штукатурка кое-где облупилась, по стене ползет клематис. Из трубы вьется дымок, наводя на мысль о вкусном обеде, томящемся на плите. Ту же мысль о довольстве и благополучии рожают ровные грядки позади дома, гордый блеск цветных стеклышек в окнах и аккуратные заплатки на черепичной крыше.

Кирпичная изгородь отделяет сад от полей и рощи. Между спутанных корней испокон веков струится ручеек, то сверкая на солнце, то снова ныряя в лесной полумрак, но отсюда его голос не слышен. Слишком далеко. Дом стоит в конце длинной пыльной аллеи, невидимый с дороги.

Вокруг тишь да гладь, лишь невеста откуда взявшийся ветерок шевелит листву. Обручи, повальное увлечение прошлого сезона, прислонены к стене в ажурной тени глициний. Одноглазый плюшевый медвежонок с гордым видом несет вахту в зеленой тележке для белья, откуда ему виден весь двор. Садовая тачка, нагруженная горшками, терпеливо ждет под навесом.

Несмотря на тишину, а возможно, благодаря ей в воздухе разлито томительное ожидание, словно в театре перед началом спектакля. Все еще впереди, все еще может случиться...

– Лорел! – слышится недовольный детский голос. – Ло-о-о-рел, ну где же ты?

Чары разрушены. В зрительном зале медленно гаснет свет, занавес поднимается.

Откуда ни возьмись выбегают куры и начинают клевать траву между плитками садовой дорожки, тень сойки мелькает в саду, с поля доносится тарахтение трактора. И высоко надо всем, растянувшись на полу домика в кроне дерева, шестнадцатилетняя девочка языком подталкивает к небу лимонный леденец и вздыхает.

* * *

Бессовестно заставлять их искать так долго, но из-за жары и волнующей тайны в сердце Лорел лень было играть, тем более в такую малышовую игру, как прятки. Уговорили, пусть теперь как следует попотеют. Как говорит папа, все должно быть по-честному, без труда не вынешь и рыбку из пруда. Лорел не виновата, что прячется лучше всех. Правда, она старшая, но ведь и сестры давно не маленькие.

Кроме того, именно сегодня Лорел не хотелось, чтобы ее нашли. Лежать бы так вечно, и чтобы тонкая ткань платья трепетала от ветра, задевая голые коленки, лежать и думать о нем.

Билли.

Лорел закрыла глаза, и его имя розовым неоновым курсивом вспыхнуло на сетчатке. Кожа пошла мурашками. Леденец сладко перекатывался на языке.

Билли Бакстер.

Его взгляд поверх черных очков, ироническая усмешка, набриолиненный кок...

Лорел знала, это на всю жизнь. Пять суббот назад они с Ширли сошли с автобуса и впервые увидели Билли, который вместе с приятелями курил на ступенях танцверанды. Их взгляды встретились, и Лорел страшно обрадовалась, что истратила воскресный заработок на новые нейлоновые чулки.

– Ну, Лорел, так нечестно, – донесся голос запыхавшейся Айрис.

Лорел еще крепче зажмурилась.

Они с Билли не пропускали ни одного танца. Музыканты играли все быстрее, «французская ракушка», которую Лорел так тщательно уложила, сверяясь с обложкой журнала для девочек, растрепалась, ноги гудели, но она танцевала, пока не подошла раздосадованная Ширли, которой не досталось кавалера, и не проворчала, что, если они опоздают на последний автобус, их сюда больше не отпустят. Ширли сердито пристукнула каблучком, Лорел одарила Билли сияющим взглядом, а он взял ее за руку, притянул к себе, и Лорел с необыкновенной, слепящей ясностью осознала, что переживает самое прекрасное, самое восхитительное мгновение в жизни.

– Ну и пожалуйста, – выпалила Айрис. – Не обижайся потом, что тебе не досталось день-рожденного торта!

Солнце было в окошко домика, наполняя закрытые глаза жарким сиянием цвета вишневой колы. Лорел села, однако с места не двинулась. Она обожала мамин бисквитный торт с малиной и взбитыми сливками, но угроза ее не испугала. Нож для торта забыли на кухне, когда впопыхах собирали корзинку для пикника, пледы, газировку, купальные полотенца и новый транзистор. Лорел это знала, потому что, когда сестры только начали играть в прятки, заскочила в пустой сумрачный дом, схватила бандероль и заметила рядом с фруктовой вазой нож, перевязанный алой ленточкой.

Только этим ножом разрезали торты, испеченные по случаю Рождества, дней рождения или просто так, для настроения, – мама свято чтит семейные традиции. А стало быть, пока кого-нибудь не пришлют за ножом, Лорел может сидеть тут, на дереве. В доме, где вечно все вверх дном и без конца хлопают двери, приучаешься ценить редкие минуты свободы.

Сегодня Лорел особенно тянуло побыть одной.

Бандероль прибыла в четверг. По счастью, почтальона встретила Роуз – не Айрис, Дафна или, боже упаси, мама. Лорел сразу догадалась, от кого посылка. Щеки вспыхнули, она, запинаясь, пробормотала что-то про пластинку, которую одолжила Ширли. Могла бы и не темнить: Роуз уже ее не слушала, а глядела на бабочку, севшую на садовую ограду.

Вечером того же дня, когда все семейство смотрело по телевизору «Музыкальный автомат», Айрис и Дафна спорили, кто лучше – Клифф Ричард или Адам Фэйт, а папа возмущался, что Фэйт изображает американский акцент и, вообще, у англичан не осталось собственной гордости, Лорел выскользнула в ванную, закрылась на задвижку и, прислонившись спиной к двери, сползла на пол.

Дрожащими пальцами она надорвала бандероль.

На колени выскользнула маленькая книжица. Лорел успела прочесть название через обертку из папиросной бумаги: «День рождения», Гарольд Пинтер¹.

¹ *Гарольд Пинтер* (1930–2008) – английский драматург, поэт, режиссер, актер, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе 2005 года. Пьеса «День рождения», содержащая многие элементы театра абсурда, была написана в 1957 году и в первой постановке с треском провалилась, но позже была признана одним из величайших шедевров английской классики.

С тех пор книжка каждую ночь лежала у Лорел в наволочке – спать было жестковато, но расстаться со своим сокровищем она просто не могла.

Лорел верила, что у каждого человека случаются переломные моменты, когда плавное течение жизни круто меняет курс. Пьеса Пинтера стала таким событием. Она прочла о спектакле в газете и решила во что бы то ни стало его увидеть. Родителям Лорел сказала, что отправляется к Ширли, подруге велела не выдавать ее, а сама села на автобус, идущий в Кембридж.

Это была ее первая самостоятельная поездка и, наблюдая из темного зала, как день рождения Стэнли превращается в кошмар, Лорел пережила сильнейшее потрясение в жизни. Она впала в настоящий экстаз, вроде того, какой сестры Бакстон переживали каждую воскресную службу, хотя Лорел подозревала, что виной тому не слово Божие, а недавно назначенный молодой пастор. Сидя на дешевом месте, с горящим лицом, чувствуя, как энергия происходящего на сцене вливается прямо в кровь, Лорел понимала, что назад пути нет.

Она долго не решалась доверить кому-нибудь свой секрет, пока однажды вечером, прижимаясь щекой к кожаной куртке Билли (его рука лежала у нее на плече), не рассказала ему все...

Лорел вытащила из книги записку. Билли будет ждать ее на мотоцикле у въезда в аллею в половине третьего, хочет показать ей свое любимое место на побережье.

Лорел посмотрела на часы. Без нескольких минут два.

Выслушав Лорел, Билли пустился в рассказ о Лондоне, о театрах и музыкальных группах, играющих в безымянных ночных клубах, и перед ней закружился калейдоскоп невероятных возможностей. А потом он поцеловал Лорел. Это был ее первый настоящий поцелуй – словно внутри взорвалась электрическая лампочка, залив все вокруг ослепительным светом.

Она потянулась за зеркальцем, которое стащила у Дафны, и принялась изучать черные стрелки в уголках глаз. Убедившись, что они симметричны, Лорел пригладила челку, пытаясь вспомнить, что еще упустила. Полотенце! Лорел заранее надела купальник под платье. Родителям она сказала, что миссис Ходжкинс попросила ее прибраться в парикмахерской.

Лорел убрала зеркальце и прикусила ноготь. Ей не нравилось обманывать родителей. Лорел всегда была послушной девочкой, спросите хоть маминих подруг, учителей или миссис Ходжкинс, но что ей оставалось? Как рассказать отцу и маме про Билли?

Лорел была уверена, родители не поймут, ведь они никогда не любили. Разве можно назвать любовью то осторожное чувство, которое испытывают друг к другу взрослые и которое выражается в похлопывании по плечу и вопросах: «Не заварить ли тебе чаю?» Лорел вздохнула. Куда проще думать, что никто и никогда не ощущал такого жара, такого сердцебиения, такого физического – и тут Лорел вспыхнула – влечения.

Порыв ветра принес отголосок маминого смеха. Дорогая мамочка, с нежностью подумала Лорел, она же не виновата, что ее молодость пришлась на войну и что она встретила папу только в двадцать пять. Что до сих пор мастерит детям бумажные кораблики. Что ее высшим достижением в жизни стала победа в конкурсе огородников и фотография в газете. (Правда, не в местной, а в столичной, в большом репортаже, посвященном новостям из провинции.) Отец Ширли, адвокат, собственноручно вырезал заметку. Мама притворилась смущенной и, кажется, не слишком обрадовалась, когда папа прилепил вырезку к дверце нового холодильника, однако снимать ее не стала. Она всерьез гордилась своей невероятно длинной огненно-красной фасолью. В том-то все и дело. Лорел выплюнула длинный заусенец. Женщину, которая гордится фасолью, проще обмануть, чем заставить признать, что мир изменился.

Лорел не привыкла обманывать. Они были дружной семьей, так говорили ее друзья и в лицо, и за глаза. Николсоны отличались подозрительной преданностью друг другу. Впрочем, так было раньше. А потом все изменилось. И хотя поведение Лорел осталось прежним, она ощущала, что постепенно отдаляется от родных. Ветерок разметал волосы по лицу, и Лорел

вздохнула. Во время ужина папа привычно шутил – как всегда, не смешно, но мама и сестры все равно хохотали, – и Лорел казалось, что она наблюдает за ними со стороны. Как если бы они все ехали в поезде, а она стояла на перроне и смотрела им вслед.

На самом деле уехать собиралась Лорел, и совсем скоро. Поступать в Центральную школу сценической речи и драмы. Что скажут родители, когда она объявит, что хочет жить отдельно? Их обоих совершенно не интересовала суетная жизнь большого города – мама не была в Лондоне с тех пор, как Лорел появилась на свет. Известие, что старшая дочь задумала променять домашний уют на неверный и загадочный мир кулис, наверняка повергнет их в ступор.

Внизу на веревке возмущалось мокрое белье. Штанины джинсов, столь ненавидимых бабушкой Николсон («Ты выглядишь дешево, Лорел, а для девушки нет ничего хуже, чем казаться доступной»), хлопали друг о друга, пугая курицу с одним крылом, которая кудахтала и носилась кругами по двору. Лорел надвинула на нос черные очки в белой оправе и привалилась спиной к стене домика.

Это все война виновата. После ее окончания прошло целых шестнадцать лет – вся жизнь Лорел, – и мир не стоял на месте. Противогазы, военная форма и продовольственные карточки крепко заперты в старом папином чемодане цвета хаки на чердаке. Печально, что некоторые люди – целое поколение, те, кому перевалило за двадцать пять, – всё еще цепляются за прошлое.

Билли говорил, что не собирается их разубеждать. Он называл это «пропастью между поколениями», уверял, что с предками объясняться бессмысленно. Как сказано в книге Алана Силлитоу², которую он таскал в кармане, старики не способны понять нужды молодых, а если они понимают вас, значит вы что-то делаете не так.

Лорел, послушная, любящая дочь, внутренне сопротивлялась идеям Билли, но ей было недосуг разбираться. Мысли уносились к тем летним вечерам, когда, ускользнув от сестер и сунув транзистор под блузку, она с бьющимся сердцем выбегала в теплые сумерки и пробиралась сюда, в деревянный домик среди ветвей. Здесь, настроив приемник на «Радио Люксембург», Лорел ложилась на спину, и музыка уносила ее далеко-далеко. Музыка просачивалась сквозь стены, окутывала древние поля модными ритмами, и Лорел испытывала пьянящее, до мурашек, чувство единения. Она ощущала себя частью всемирного заговора, членом тайного сообщества молодых, которые в эту самую минуту слушают такую же музыку, которые разделяют ее взгляды на жизнь, на мир и будущее, ждущее их впереди...

Лорел открыла глаза и с довольным видом потянулась, наблюдая за стайкой грачей. Летите, птички, летите. Скоро и она улетит, только школу окончит. Пока птицы не растворились в синеве, Лорел, не мигая, следила за их полетом, загадав, что если не отведет взгляда, то все сложится хорошо и родители поймут ее правоту.

На глазах выступили слезы, и Лорел опустила взгляд на окно спальни, на астры, которые они с мамой высадили на могилке кота Констебля, на щель в кирпичной кладке, где она украдкой оставляла записки для эльфов.

Лорел почти не помнила себя в детстве. Смутные воспоминания о том, как она собирала ракушки на морском берегу, об ужинах в гостинной бабушкиного пансиона «Морская лазурь», были подобны снам. Вся ее сознательная жизнь прошла на ферме «Зеленый лог». Лорел не собиралась обзаводиться собственным креслом на веранде, но ей нравилось смотреть, как родители каждый вечер усаживаются в свои кресла, нравилось, засыпая, слышать за тонкой стеной их тихие разговоры и, протянув руку, коснуться в полусне кого-нибудь из сестер.

Она будет по ним скучать.

² Алан Силлитоу (1928–2010) – английский поэт и прозаик. Его первый роман «В субботу вечером, в воскресенье утром» (1958) рассказывает о проблемах рабочей молодежи и пронизан духом послевоенного разочарования.

Лорел моргнула. Она будет по ним скучать. Внезапно на нее нахлынуло чувство утраты. Сестры брали без спросу ее платье, портили помаду, царапали пластинки, но Лорел не представляла, как проживет без шума и гвалта, вечных ссор и бурных примирений. Они напоминали щенят из одного помета. Приводили в смятение чужаков и гордились этим. Они были сестры Николсон: Лорел, Роуз, Айрис и Дафна. Одно слово, цветник, восклицал папа, когда ему случалось перебрать. Сущее наказание, ворчала бабушка, когда выбиралась погостить.

Издалека до Лорел долетал их визг. Внутри словно сжалась растянутая струна. Ей было нетрудно вообразить их у ручья, словно на старинной гравюре. Резвятся на отмели, юбки подоткнуты с боков под резинки трусов. Роуз укрылась за камнями и рисует на песке мокрым прутиком, болтая в воде тощими ногами; Айрис успела промокнуть до нитки и страшно разозлилась; Дафна трясет кудряшками, сложившись пополам от хохота.

Должно быть, клетчатый плед расстелен на траве, мама стоит по колено в воде, отпуская в плавание последний кораблик. Папа наблюдает с берега, брюки закатаны, во рту сигарета. На лице выражение легкого изумления, словно он до сих пор не верит собственному везению.

У его ног малыш. Шлепает по воде босыми пятками, заливаясь хохотом, тянет пухлые ручки к матери. Свет их очей...

Малыш. Разумеется, у него есть имя. Джеральд. Однако никто его так не называет: Джеральд – слишком взрослое имя. Сегодня ему исполнилось два года, но личико сохранило младенческую округлость, на щеках ямочки, глаза блестят озорством, а еще у него восхитительные толстые ляжки. Иногда Лорел трудно удержаться, чтобы не тискать его слишком сильно. Все сестры добиваются расположения брата, и каждая уверена, что он выделяет ее среди других, хотя на самом деле его любимица Лорел.

Неужто она пропустит его второй день рождения? О чем только она думает? Торчит тут битый час. А ведь собирается вечером улизнуть на свидание к Билли!

Лорел задохнулась от стыда, но тут же придумала, как все исправить: надо спуститься с дерева, заскочить на кухню за ножом и отнести его к ручью. Лорел будет образцовой дочерью, примером для младших. А если уложится в десять минут, то заработает дополнительные очки. Теплый ветер обдувал загорелые икры. Не мешкая, Лорел поставила ногу на верхнюю ступеньку лестницы.

* * *

Впоследствии Лорел часто спрашивала себя, как бы все обернулось, если бы она вылезла из домика чуть помедленнее. Возможно, ужасных событий удалось бы избежать? Однако она спешила, и случилось то, что случилось. Лорел мучило смутное чувство вины, но могла ли она управлять своими поступками? Совсем недавно ей хотелось побыть одной, сейчас не терпелось оказаться в гуще событий. Она была словно флюгер на крыше, ее бросало из крайности в крайность. Волнующее и немного пугающее чувство. Словно нестись на мотоцикле вдоль берега моря.

Лорел так спешила к своим, что проехала коленкой по деревянному порожку. Морщась от боли, она опустила глаза на алую струйку крови. Ничего не поделаешь, придется вернуться.

Сидя на полу домика, она разглядывала царапину, гадая, заметит ли Билли засохшую корочку на ее коленке, когда со стороны ручья долетел шум. Барнаби несясь сквозь высокую траву, уши хлопали на ветру, словно бархатные крылья. Мама в платье, которое сшила своими руками, шла следом через поляну. Малыш Джерри с комфортом устроился у нее на руках, голые ножки выглядывали из-под пляжного костюмчика, защищавшего нежную кожу от солнца.

Они были далеко, но порыв ветра донес пение. Эту песенку мама в свое время пела каждому из них. Медленно проводила пальцами от живота до подбородка, и малыши млели от удовольствия, заливались хохотом и просили еще.

Эти двое – мать и дитя – были так поглощены друг другом и являли собой такую идиллическую картину на фоне залитой солнцем лужайки, что сердце Лорел разрывалось между радостью и ревнивой грустью.

Мама открыла калитку и двинулась по направлению к дому. А ведь она пришла за ножом для торта, догадалась Лорел. Какое невезение!

С каждым маминым шагом возможность оправдаться таяла на глазах. Лорел надулась и, вместо того чтобы слезть с дерева или окликнуть маму, легла на пол и впала в мрачное оцепенение.

Обруч, прислоненный к стене, беззвучно свалился в траву. Лорел сочла это безмолвным проявлением солидарности. Пусть хорошенько соскучатся без нее, а она придет к ручью, когда будет готова. Лорел как раз собиралась перечитать «День рождения», помечтать о взрослой жизни вдали отсюда, о жизни, в которой нет места царапинам на коленках.

* * *

В дальнем конце аллеи возник смутный мужской силуэт. Впоследствии Лорел не могла объяснить, что заставило ее поднять глаза. На одну ужасную секунду она решила, что Билли приехал пораньше и собирается сам за нею зайти. И только когда мужчина приблизился и Лорел увидела, как тот одет: рубашка без пиджака, черные брюки, черная старомодная шляпа, – она вздохнула с облегчением.

На смену облегчению пришло любопытство. Чужаки редко заходили на ферму, особенно пешком. Однако, разглядывая незнакомца, Лорел испытывала дежавю. А впрочем, не важно, у нее отличный наблюдательный пункт, грех не воспользоваться случаем исподтишка за ним проследить.

Упершись локтями в подоконник, Лорел пристально всматривалась в приближающегося мужчину. Довольно красив, хотя и немолод, держится с достоинством. Незнамец производил впечатление человека, которому некуда спешить. Любого из папиных приятелей-фермеров Лорел узнала бы сразу. Заблудился? Вряд ли. Ферма стояла вдали от дорог. Может быть, это цыган или бродяга из тех, что иногда забредают сюда в поисках работы? А что, если – от этой ужасной мысли Лорел вздрогнула – это тот, о ком писали в местной газете? Взрослые говорили о нем с явным беспокойством. Неизвестный, тревоживший покой компаний, мирно пирующих на природе, пугавший женщин в безлюдных местах ниже по реке.

Лорел вздрогнула, но нет, тревога оказалась ложной. Незнамец не был бродягой – с плеча у него свисала кожаная сумка. Коммивояжер, будет уговаривать маму купить очередную энциклопедию, без которой ей никак не обойтись, только и всего.

И разочарованная Лорел отвернулась от окна.

* * *

Спустя несколько минут снизу донеслось низкое рычание Барнаби. Спаниель стоял посередине аллеи, не сводя глаз с незнакомца, который отворял калитку в сад.

– Тихо, Барнаби, – раздался мамин голос из дома. – Мы уже идем. – Она вышла, встала на пороге, что-то шепнула на ушко малышу, чмокнула его в розовую щечку, и тот расплылся в улыбке.

Калитка за домом скрипнула – щеколду давно не смазывали, – и пес снова зарычал. Шерсть у него на спине встала дыбом.

– Хватит, Барнаби, – повторила мама. – Да что на тебя нашло?

Незнакомец вышел из-за угла, мама обернулась – и улыбка сошла с ее лица.

– Привет, – произнес незнакомец и поочередно промокнул виски носовым платком. – Отличный выдался денек.

При виде нового лица физиономия младенца расплылась от удовольствия, и он протянул навстречу чужаку пухлые ручки. Никто бы не устоял перед таким приглашением, и незнакомец, сунув платок в карман, шагнул вперед, слегка подняв руку, словно благословляя малыша.

И тут, к удивлению Лорел, мама проявила недюжинную расторопность: отпрянув, она с размаху опустила малыша на голую землю у себя за спиной, и оторопевший младенец, не привыкший к такому обращению, заплакал.

Лорел застыла, не в силах двинуться с места. Никогда в жизни ей не приходилось видеть на мамином лице такого выражения. Страх, догадалась она. Мама была до смерти напугана. Внезапно Лорел ощутила, что ее уверенность в себе улетучилась, а на смену ей пришла холодная тревога.

– Привет, Дороти, – промолвил незнакомец. – Давненько не виделись.

Он знал мамино имя! Этот человек не был чужаком.

Мужчина снова заговорил, слишком тихо для ушей Лорел. Мама молча кивнула. Затем подняла лицо к солнцу и прикрыла глаза.

Дальше события развивались стремительно.

Влажно блеснула сталь. На краткий ослепительный миг солнце отразилось на лезвии.

Затем нож опустился – праздничный нож, нож для особых случаев – и глубоко вошел в грудь чужого мужчины. Время замерло, потом рвануло вскачь. Мужчина вскрикнул, лицо исказила гримаса боли, удивления и ужаса. Он потянулся было к костяной ручке – там, где кровь уже пропитала рубашку, – затем упал, и теплый ветер потащил по пыльной аллее его шляпу.

Пес лаял как заведенный, покрасневший младенец надрывался от крика, но Лорел почти не слышала звуков, их заглушали грохот в ушах и хрипы в груди.

Алая ленточка на рукояти ножа развязалась, ветер прибил ее к камням, ограждавшим клумбу. Больше Лорел ничего не видела: перед глазами вспыхнули и замерцали звезды, и все вокруг почернело.

2

Суффолк, 2011 год

Суффолк встретил ее дождем. Лорел не помнила, чтобы в ее детстве когда-нибудь шел дождь. Больница располагалась на другом конце города, и автомобиль долго тащился по лужам Хай-стрит. Наконец он свернул на подъездную дорогу и, обогнув круг, остановился напротив двери. Лорел достала пудреницу, оттянула кожу на виске, спокойно наблюдая, как складки собираются вновь. Затем повторила ту же операцию со второй щекой. «Людам нравятся ваши морщины» – так говорит ее агент, так восклицают помрежи, так шепчут гримеры, размахивая кисточками и бравируя возмутительной молодостью. Несколько месяцев назад одно сетевое издание предложило читателям выбрать «Лицо нации». Лорел заняла почетное второе место. Писали, что ее морщины внушают людям чувство безопасности.

Хорошо им говорить. Из-за таких разговоров Лорел чувствовала себя старухой.

А я и есть старуха, подумала она, защелкивая пудреницу. По сравнению со мной даже миссис Робинсон молода. Двадцать пять лет прошло с тех пор, как Лорел сыграла «Выпускника»³ в Королевском национальном театре. Куда утекло время? Кто-то подкрутил стрелки часов, пока она ненароком отвернулась, другого объяснения быть не может.

Шофер открыл дверцу и, придерживая над Лорел зонт, проводил ее до входа.

– Спасибо, Марк. Помните, где забрать меня в пятницу?

Марк опустил на землю ее дорожную сумку и закрыл зонт.

– Ферма на другом конце города, в дальнем конце узкой аллеи. В два часа вас устроит?

Устроит. Шофер кивнул и под дождем заспешил к машине. Лорел смотрела вслед автомобилю, уже скучая по теплоте салона и ленивому ничегонеделанию долгой дороги. Уехать бы куда-нибудь, подальше отсюда.

Она посмотрела на дверь, но внутрь не вошла, вытащила сигарету и, не заботясь, как выглядит со стороны, жадно закурила. Ей плохо спалось этой ночью. Снились мама, дом, сестры и малыш Джерри. Он протягивал ей игрушечный космический корабль, который сам смастерил, и говорил, что однажды изобретет машину времени, вернется в прошлое и все исправит. Исправит что, спрашивала она во сне. Все, что пошло не так. И если она хочет, он возьмет ее с собой.

Она хотела.

Дверь отворилась, на крыльцо выпорхнули две молоденькие медсестрички. Одна из них, узнав Лорел, удивленно расширила глаза. Лорел сухохато кивнула, швырнула окурки в урну, а медсестра что-то зашептала на ухо подружке.

Роуз ждала в вестибюле, в кресле у стены, и на долю секунды Лорел увидела младшую сестру со стороны. Концы вязаной фиолетовой шали топорщились узлом на груди, непослушные седые волосы стянуты в косу. Лорел едва не заплакала от невыносимой нежности, заметив, что Роуз закрепила хвостик на голове аптечной резинкой.

– Розы, сколько лет, сколько зим! – воскликнула она, скрывая под маской светскости истинные чувства и почти себя не стыдясь. – Когда же мы в последний раз виделись?

Они обнялись, и Лорел вдохнула знакомый, но такой неуместный здесь лавандовый аромат. Так пахло летним вечером в пансионе бабушки Николсон «Морская лазурь».

– Я так рада, что ты здесь, – сказала Роуз по пути к палате.

³ «Выпускник» – пьеса по одноименному роману Чарльза Уэбба (1963). Миссис Робинсон – средних лет дама, соблазняющая главного героя пьесы, только-только окончившего колледж.

– Разве я могла остаться в стороне?

– Конечно, понимаю.

– Я бы раньше приехала, если бы не интервью.

– Я слышала.

– И я задержалась бы подольше, если бы не репетиции. Съемки начнутся через две недели.

– Я все знаю. – Роуз с чувством стиснула ее руку. – Мама будет страшно рада. Мы так гордимся тобой, Лол. Все мы.

Лорел всегда казалось странным выслушивать комплименты от родни, и она промолчала.

– А где остальные?

– Еще не собрались. Айрис застряла в пробке, Дафна приедет вечером прямо из аэропорта. Обещала позвонить с дороги.

– А Джерри? Как всегда, по особому расписанию?

Роуз, единственная кроткая овечка среди острых на язык Николсонов, усмехнулась. Их брат рассчитывал координаты далеких галактик, но вопрос о времени приезда неизменно ставил его в тупик.

Сестры завернули за угол и оказались перед дверью с надписью: «Дороти Николсон». Роуз потянулась к звонку и тут же отдернула руку.

– Я должна предупредить тебя, Лол. С тех пор как вы виделись в последний раз, ей стало хуже. Временами она такая же, как раньше, временами... – Губы Роуз задрожали, она вцепилась в длинную нитку бус, понизила голос. – Иногда ее мысли путаются, она вспоминает прошлое, говорит какие-то непонятные вещи. Медсестры уверяют, что в ее состоянии это естественно. Таблетки помогают, но из-за них она становится сама не своя. Вряд ли сегодня ты чего-нибудь от нее добьешься.

Лорел кивнула. По телефону доктор сказал ей то же самое. Он так долго увиливал от ответа, обходясь стыдливymi недомолвками: «конец длинного пути», «время подводить итоги», «вечный сон», что Лорел не выдержала.

– Другими словами, моя мать умирает? – грозно спросила она, предвкушая, как он будет трепыхаться, если загнать его в угол. Впрочем, тут же раскаялась в собственной опрометчивости.

– Да, – коротко ответил доктор.

Самое предательское из слов.

Роуз открыла дверь:

– Посмотри, кого я привела, мамочка!

И у Лорел перехватило дыхание.

* * *

Были времена, когда она боялась всего на свете. Темноты, зомби, бродяг, которые, как уверяла бабушка Николсон, затаскивают непослушных девочек в темные углы и делают с ними всякие ужасные вещи. (Какие вещи? У-ж-а-с-н-ы-е. Как водится, чем туманнее было описание, тем страшнее становилось.) Бабушка говорила так убедительно, что Лорел не сомневалась: рано или поздно ей не миновать участи этих несчастных.

Иногда самые большие страхи собирались вместе и будили ее среди ночи: затаившиеся в шкафу зомби смотрели сквозь замочную скважину, готовясь вершить черные дела.

– Тише, детка, – успокаивала мама. – Это всего лишь сон. Ты должна уметь отличать реальное от воображаемого. Иногда будет непросто – я сама очень долго не могла научиться.

Затем мама ложилась рядом и шептала ей в ухо:

– Хочешь, я расскажу тебе про девочку, которая сбежала из дому с бродячим цирком?

Трудно было поверить, что бесстрашная воительница, легко прогонявшая ночные страхи, и бледное создание, распятое между больничных простыней, – одна и та же женщина. Лорел думала, что подготовилась. Ей приходилось хоронить друзей, она знала, как выглядит смерть, и даже получила премию БАФТА⁴ за роль умирающей от рака. Но здесь все было иначе. Перед ней лежала ее мама. Лорел хотелось развернуться и бежать куда глаза глядят.

Она осталась на месте. Роуз одобряюще кивнула, и Лорел натянула маску любящей дочери, навещающей мать в больнице. Она подошла к кровати и сжала хрупкую руку.

– Ну, вот я и здесь, моя дорогая.

Веки Дороти затрепетали, но так и остались закрытыми. Ее грудь все так же тихо поднималась и опускалась, когда Лорел поочередно тронула губами пергаментные щеки.

– Я привезла тебе подарок, но до завтра не дотерплю. – Лорел вытащила из сумки коробочку и, выдержав паузу, развернула бумагу. – Это щетка. Видишь, серебряная. Самая мягкая щетина – думаю, кабанья. Я купила ее в антикварном магазине в Найтсбридже и отдала граверу. Смотри, теперь здесь твои инициалы. Хочешь, я тебя причешу?

Она не ждала ответа – его и не последовало. Лорел осторожно провела щеткой по истончившимся, словно пух, белым прядкам, некогда пышным и темно-каштановым.

– Вот и хорошо. – Лорел положила щетку, чтобы солнечный луч упал на букву «Д». – Вот и славно.

Кажется, Роуз осталась довольна. Протянув сестре альбом, который еще раньше сняла с полки, она знаками показала, что сходит за чаем.

Роли между сестрами были четко распределены. Лорел уселась в прикроватное кресло и осторожно раскрыла ветхий альбом. Девушку в косынке поймали врасплох, и она подняла руку, заслоняясь от фотографа. В улыбке смешались раздражение и удивление. Судя по артикуляции, женщина на снимке явно что-то говорила человеку с фотоаппаратом. Лорел привыкла думать, что мама отшучивается от кого-нибудь из бабушкиных постояльцев: мелких коммивояжеров, одиноких отпускников, тихих чиновников в начищенных до блеска ботинках, просидевших в тылу всю войну.

Она положила альбом поперек неподвижного тела и начала свой рассказ:

– Смотри, мам, это ты в пансионе бабушки Николсон. Сорок четвертый год, война заканчивается. Сын миссис Николсон еще не вернулся с фронта, но это случится совсем скоро. Хозяйка пошлет тебя в город отоварить продовольственные карточки, а когда ты вернешься, за кухонным столом будет сидеть солдат. Ты узнаешь его по фотографии на каминной полке, только теперь он стал старше и печальнее, однако на нем все такая же гимнастерка. Он улыбнется тебе, и ты поймешь, что всю жизнь ждала этого мужчину.

Лорел перевернула страницу, разгладила большим пальцем хрупкий от времени уголок.

– Ты вышла замуж в платье, которое сшила из тюля своими руками. Материал ради такого случая пожертвовала твоя будущая свекровь. Ты молодец, мам, не думаю, что бабушка Николсон легко рассталась с занавесками из гостевых комнат. В ночь перед свадьбой разразилась гроза, и ты беспокоилась, что наутро будет идти дождь. Однако тревоги оказались напрасными. Облака рассеялись, и все вокруг говорили, что это хорошая примета. И все же ты подстраховалась: на верхней ступеньке церковной лестницы стоял мистер Хатч, трубочист. Папа дал ему денег на ботинки для старшего сына.

Лорел сомневалась, что мать ее слышит, хотя участливая медсестра уверяла, что думать так нет никаких оснований. Иногда Лорел позволяла себе фантазировать, не отклоняясь от основной линии, но додумывая детали и боковые ходы. Айрис не одобряла ее фантазий, говоря, что мамина история ценна сама по себе и Лорел не имеет права приукрашивать. Однако док-

⁴ Британская академия кино и телевизионных искусств; ежегодно вручает премии, которые часто называют «генеральной репетицией „Оскара“».

тор пожал плечами и заявил, что это не важно, лишь бы Лорел продолжала разговаривать с больной.

– Честно говоря, мисс Николсон, от вас я иного не ожидал, – подмигнул он.

Несмотря на поддержку, она возмутилась. Ей захотелось напомнить этому нахалу с неправдоподобно черными волосами и неестественно-белыми зубами, что между актерской игрой и обманом есть существенная разница, но что толку обсуждать философские материи с человеком, который носит в кармане рубашки дешевую авторучку в виде клюшки для гольфа?

Лорел листала страницы и видела собственные снимки: крошка Лорел спит в кровати у стены, расписанной звездами и феями; насупившись, сидит на руках у матери; бодро топает по мелководью, уверенно направляясь к тому моменту, когда пересказы уступают место воспоминаниям. Лорел перевернула страницу, выпуская на волю шумных сестер. Совпадение или нет, но ее первые сознательные воспоминания были связаны с их появлением. Вот они ковыляют в высокой траве, вот машут из окна домика на дереве, а вот выстроились в ряд на фоне «Зеленого лога», причесанные и принаряженные для какого-то давно забытого похода в гости.

После рождения сестер ночные страхи Лорел ушли. Вернее, им на смену пришли новые. Больше она не боялась нашествия зомби, чудовищ или сказочных существ, живущих в буфете. Лорел снились высокие приливы, конец света, войны, и всегда ей приходилось заботиться о младших сестрах в одиночку. Она крепко запомнила слова, которые однажды сказала ей мама: «Приглядывай за сестрами. Ты старшая, ты за них отвечаешь». Гораздо позже до Лорел дошло, что за маминым наставлением скрывалась давняя боль – наверняка она вспоминала младшего брата, погибшего при бомбежке. Детям свойственно заикливаться на себе, особенно детям из благополучных семей. Ведь Николсоны были образцовым семейством.

– А вот Пасха. Дафна на детском стульчике, значит это пятьдесят шестой год. Смотри, у Роуз рука в гипсе, на сей раз левая. Айрис корчит рожи на заднем плане, но недолго ей веселиться. Ты помнишь, мам? Айрис залезла в холодильник и умяла крабов, которых папа принес с рыбалки. Папа открыл холодильник – а там одни панцири!

Всего лишь раз на памяти Лорел отец рассердился по-настоящему. Айрис забилась под диван – единственное место, куда папа, грозивший отшлепать проказницу (пустые слова, но лучше не рисковать), не добрался бы, и долго отказывалась вылезать, умоляя сжалиться над ней и просунуть в щель книжку про Пеппи Длинныйчулок. От воспоминаний на душе потеплело. Лорел успела забыть, какой забавной бывала злючка Айрис.

Что-то выскользнуло из альбома, и Лорел подняла с пола фотографию. Удивительное дело: она видела ее впервые. На старом черно-белом снимке стояли, взявшись под руку, две смеющиеся девушки. Комнату украшали цветные флажки, из окна за кадром падал солнечный луч. Лорел перевернула фотографию, но сзади была лишь дата: май тысяча девятьсот сорок первого. Как странно. Лорел изучила семейный альбом вдоль и поперек, а этого снимка ни разу не видела.

Дверь отворилась, вошла Роуз. Две разномастные чашки плясали на блюдах.

Лорел подняла фотографию.

– Ты видела это, Розы?

Роуз поставила чашки на стол, прищурилась на снимок и улыбнулась:

– Ах, эта... Я нашла ее на ферме месяца два назад и подумала, что тебе стоит вставить ее в альбом. Разве не удивительно узнать про маму что-то новое, особенно теперь?

Лорел внимательно всмотрелась в снимок. Начесы на косой пробор, юбки едва закрывают колени. У одной из девушек в руке сигарета. Да, конечно, вот на снимке мама. Но как непривычно она накрашена! Как непохожа на себя!

– Странно, – сказала Роуз. – Никогда не думала, что и она когда-то была такой.

– Какой?

– Молодой. Что она могла беззаботно болтать с подружкой.

– Неужели никогда?

Впрочем, что греха таить, Лорел думала так же. Для них, детей, мама появилась на свет, когда ответила на бабушкино объявление. Разумеется, они знали, что мама родилась и выросла в Ковентри, прямо перед войной переехала в Лондон и что все ее близкие погибли при бомбежке. А еще Лорел знала, как тяжело мама переживала потерю семьи. Дороти Николсон не уставала твердить детям: семья – единственное, ради чего стоит жить. Однажды, после какого-то особенно возмутительного проступка старшей дочери, мать взяла ее за руку и сказала с непривычной твердостью: «Не повторяй моих ошибок, Лорел. Постарайся понять, что на самом деле важно. Иногда твои близкие кажутся тебе несносными, но ближе них у тебя никого на свете нет».

Дороти никогда не рассказывала о своей жизни до того, как она встретила Стивена Николсона, а дети не спрашивали. Наверное, это нормально, смущенно подумала Лорел. Дети не хотят верить, что у родителей до их появления на свет была какая-то своя жизнь. Зато теперь, разглядывая незнакомку на фотографии, Лорел сгорала от любопытства.

В начале ее карьеры известный режиссер, поправляя очки, заявил, что роли героинь – не для нее. Лорел долго лила слезы, часами вертелась перед зеркалом в тщетных попытках найти героический ракурс, пока однажды, перебрав лишнего, не решила подстричься.

Это было поворотным моментом в ее актерской биографии. Призванием Лорел стали характерные роли. Тот режиссер взял ее на роль сестры главной героини, и работа принесла ей первые хвалебные отзывы. Зрители удивлялись ее способности полностью растворяться в своих героинях, а Лорел знала одно: у каждого персонажа есть тайна. Нужно лишь ее раскрыть. Лорел была настоящим специалистом по разгадыванию чужих секретов. Узнай, что прячется глубоко внутри, – и ухватишь самую суть.

– Ты осознаешь, что это самая ранняя ее фотография? – Роуз наклонилась над сестрой, обдав ее ароматом лаванды.

– Серьезно? – Лорел потянулась за сигаретой, вспомнила, где находится, и вместо сигареты взяла чашку.

В молодости маме выпало немало испытаний. Почему она никогда не думала об этом раньше? Лорел всматривалась в снимок, в смеющихся девушек. Теперь ей казалось, что они смеются над ее неведением.

– А где ты ее нашла, Роза? – спросила Лорел.

– В книге.

– В книге?

– В пьесе «Питер Пэн».

– Мама играла в спектакле?

Дороти обожала игры с переодеваниями, но Лорел никогда не слышала, чтобы она когда-нибудь участвовала в настоящем спектакле.

– Вряд ли. Это подарок. Там есть надпись на титульном листе – помнишь, в детстве мама всегда просила нас подписывать книги.

– Что за надпись?

– «Дороти». – Роза сцепила пальцы, пытаясь вспомнить. – «Истинный друг – свет в ночи. Вивьен».

Вивьен. Имя произвело на Лорел странное действие. Ее бросило в жар, потом в холод, кровь застучала в висках. Перед мысленным взором мелькнула блестящая сталь, испуганное лицо матери, красная ленточка. Старые воспоминания, ужасные воспоминания. При чем тут какая-то Вивьен?

– Вивьен, – произнесла Лорел громче, чем намеревалась. – Кто такая Вивьен?

Роуз удивленно взглянула на нее, но ответить не успела: в комнату ворвалась Айрис, размахивая штрафным талоном. Сестры развернулись к двери навстречу ее ярости, не заме-

тив, как при упоминании имени Вивьен лицо Дороти исказилось болью. Но когда три сестры Николсон снова глянули на мать, на спокойном лице спящей не читалось и намека на то, что Дороти покинула больницу, свое усталое тело и взрослых дочерей и сквозь годы несется назад, в одну темную ночь тысяча девятьсот сорок первого года.

3

Лондон, май 1941 года

Дороти Смитэм сбежала по лестнице на первый этаж и, на ходу продевая руки в рукава белой шубки, пожелала миссис Уайт доброй ночи. Хозяйка заморгала за толстыми стеклами очков, намереваясь выдать очередную порцию нравоучений, однако Долли не стала ждать. Она на миг задержалась перед зеркалом в холле, чтобы подрумянить щеки, последний раз глянула на свое отражение и, довольная результатом, выскользнула на темную улицу. Сегодня ей некогда было ругаться с хозяйкой: Джимми наверняка уже сидел в ресторане, и Долли не хотелось опаздывать. Им столько всего предстояло обсудить! Они даже не решили еще, когда ехать...

Долли широко улыбнулась и нащупала в кармане шубки деревянную фигурку Панча. Скромный пустячок, купленный позавчера в ломбарде, но он навел ее на мысль о Джимми, а здесь, в холодном бездушном Лондоне, так важно чаще делать приятное людям, которые тебе дороги. Долли уже предвкушала, как вручит Джимми подарок, видела его улыбку, слышала, как он скажет, что любит ее. Маленький деревянный Панч – идеальное напоминание о море, о курортных городках, где в сезон всегда показывают представления с ним и с Джуди. Джимми обожает море. И она тоже.

– Извините? – неожиданно послышался женский голос.

– Да? – удивленно отозвалась Долли. Видимо, женщина заметила ее за то недолгое время, пока свет пробивался в открытую дверь.

– Вы мне не поможете? Я ищу дом номер двадцать четыре.

Хотя из-за затемнения ничего увидеть было нельзя, Долли машинально указала на дом, из которого вышла.

– Вам повезло, – сказала она. – Это здесь. Сейчас все комнаты заняты, но одна скоро освободится.

Ее собственная комната, если чулан без окон достоин такого названия.

Она сунула в рот сигарету и чиркнула спичкой.

– Долли?

При звуке своего имени Долли сощурилась, вглядываясь в темноту. Стремительное движение, затем тот же голос произнес совсем близко:

– Слава богу, мне не почудилось. Долли, это я.

– Вивьен? – Удивительно, что она не сразу узнала голос, но сейчас он и впрямь звучал как-то непривычно.

– Как хорошо, что ты еще здесь. Я боялась опоздать.

– Что случилось? – удивленно спросила Долли. Вивьен не говорила, что сегодня придет в гости.

– Ничего... – Вивьен начала смеяться, и от этого звука, металлического, нервного, у Долли побежали мурашки. – Вернее, всё.

– Ты пьяна?

Долли никогда не видела Вивьен такой – она всегда была воплощением элегантности и самообладания.

Соседский кот прыгнул с окна на вольер, где миссис Уайт держала кроликов. Вивьен вздрогнула и прошептала:

– Нам надо поговорить. Срочно.

Долли затянулась сигаретой, выгадывая время. В любой другой вечер она бы охотно поболтала с Вивьен, но только не сейчас, когда Джимми ждет.

– Я не могу. Мне надо спешить.

– Долли, *пожалуйста*.

Долли нащупала в кармане деревянного Панча. Джимми наверняка уже гадает, куда она запропастилась, нетерпеливо поглядывает на дверь. Так не хочется, чтобы он ждал, особенно сегодня. С другой стороны, Вивьен прибежала на ночь глядя, вся взвинченная, озирается, умоляет с ней поговорить, твердит, что это очень важно... Ну как ее прогонишь?

Долли тяжело вздохнула и сказала себе, что Джимми поймет, что в каком-то смысле он тоже привязался к Вивьен. Тогда-то она и приняла решение, которое стало для всех роковым.

– Хорошо. – Она бросила окурки и ласково взяла Вивьен под руку. – Пошли в дом.

* * *

Пока они поднимались по лестнице, Долли пришло в голову, что Вивьен собирается просить прощения. Иначе невозможно было объяснить ее нервозность и утрату всегдашней уверенной манеры. Вивьен, богатая, светская, уж конечно, не привыкла извиняться. Долли расстроилась. Никакой надобности в этом нет. Сама она давно все простила и предпочла бы не вспоминать ту неприятную историю.

Они дошли до конца коридора. Долли открыла дверь и щелкнула выключателем. Голая лампочка под потолком осветила узкую кровать, тумбочку и выщербленную раковину с текущим краном. Долли на миг увидела свое жилище глазами Вивьен, и ей стало стыдно. Каким убогим оно должно казаться после шикарного особняка на Кемпден-гроув с его люстрами и покрывалами из шкуры зебры!

Она повернулась, чтобы повесить старенькую шубку на крючок за дверью, и сказала весело:

– Извини, что здесь так жарко. Окон, к сожалению, нет. Со светомаскировкой проще, но проветривать трудновато.

Долли надеялась шуткой немного разрядить атмосферу, ободрить себя и Вивьен, но почему-то не получалось. В голове засела одна мысль: Вивьен стоит сзади, ищет, куда сесть... О боже...

– Стульев, боюсь, тоже нет.

Она уже много недель собиралась купить стул, но все не могла выкроить деньги, тем более что они с Джимми договорились откладывать каждое пенни.

Тут Долли обернулась и, увидев лицо подружки, позабыла про мебель.

– Боже! – проговорила она, округлившимися глазами глядя на огромный, во всю щеку, синяк. – Что с тобой?

– Пустяки! – Вивьен, которая нервно расхаживала по комнате, только отмахнулась. – Налетела на фонарный столб. Сама виновата. Вечно куда-то бегу сломя голову.

Да, она всегда ходила чересчур быстро. Долли даже умиляла эта странность: такая элегантная и благовоспитанная женщина несется, словно девчонка. Сегодня, правда, Вивьен выглядела необычно: встрепанная, одежда не в цвет, на чулке дорожка...

– Вот. – Долли подвела подружку к постели, радуясь, что сегодня утром так аккуратно заправила одеяло. – Садись.

Завыли сирены воздушной тревоги, и она вполголоса чертыхнулась. Только этого не хватало. Бомбоубежище – тихий ужас: все битком, словно сельди в банке, сырые одеяла, кислая вонь, миссис Уайт в истерике, а тут еще Вивьен, на которую непонятно что нашло...

– Не обращай внимания, – сказала та, словно прочитав мысли Долли. Внезапно голос у Вивьен стал как у хозяйки большого дома, привыкшей отдавать распоряжения. – Останься. Это куда важнее.

Важнее, чем пойти в бомбоубежище? У Долли упало сердце.

– Ты насчет денег? – тихо спросила она. – Хочешь получить их обратно?

– Нет-нет, забудь про деньги.

Завывание сирен оглушало. На Долли накатил необъяснимый страх. Ей было тяжело оставаться здесь, пусть даже с Вивьен. Хотелось бежать по темным улицам туда, где ждет Джимми.

– Мы с Джимми... – начала она.

– Да, – перебила Вивьен. Лицо у нее осветилось, как будто она что-то вспомнила. – Да, Джимми.

Долли непонимающе мотнула головой. К чему Вивьен заговорила про Джимми? Бессмыслица какая-то. Может, стоит взять Вивьен с собой? Пока народ спешит в бомбоубежище, они успеют добежать до закусочной. А Джимми уж придумает, что делать.

– Джимми... – громко повторила Вивьен. – Он больше не придет. Никогда.

Тут сирена смолкла, и последнее слово – «никогда» – гулко прозвучало в затихшей комнате.

Долли ждала, когда Вивьен продолжит, но тут в дверь заколотили.

– Долли, ты здесь? – Это была Джудит, соседка сверху, запыхавшаяся после пробежки по лестнице. – Мы идем в убежище.

Долли не ответила. Она дождалась, пока шаги Джудит затихнут, под села к Вивьен и заговорила быстро:

– Ты все перепутала. Я видела его вчера, сегодня мы встречаемся снова. Мы должны были все обсудить, он бы не уехал без меня...

Сказать можно было еще много чего, но Вивьен смотрела так, что сквозь щели в уверенности Долли проник холодок сомнения. Она дрожащими пальцами достала из сумки сигарету и закурила.

Тут Вивьен начала говорить, и, когда в ночи загудел первый бомбардировщик, у Долли закралась мысль: а вдруг в этом невероятном рассказе есть хоть малая толика правды? Лихорадочный голос Вивьен, ее странное поведение и еще более странные слова... У Долли мутилось в голове. В тесной комнатенке нечем было дышать.

Долли жадно курила, и обрывки того, что говорила Вивьен, мешались с ее собственными скачущими мыслями. Где-то рядом громко рванула бомба, и комната наполнилась свистом, от которого заболели уши, а по коже побежал мороз. Когда-то ей нравилось бывать на улице во время бомбежки – дух захватывает и несколько не страшно. Те беспечные дни остались далеко в прошлом; она уже не прежняя маленькая глупышка. Долли глянула на дверь, желая одного: чтобы Вивьен умолкла. Им надо скорее в убежище или к Джимми, нельзя так просто сидеть и ждать. Ей хотелось бежать, спрятаться, исчезнуть.

По мере того как Долли впадала в панику, Вивьен, наоборот, успокаивалась. Она говорила вполголоса, фразами, которые Долли силилась понять, о письме и о фотографии, о плохих и опасных людях, которых отправили искать Джимми. Вивьен сказала: все пошло не по задуманному, кто-то почувствовал себя униженным, Джимми не смог прийти в кафе, она ждала, а он не пришел, тогда-то ей и стало все ясно.

Внезапно разрозненные кусочки сложились воедино, и Долли поняла.

– Это я виновата, – жалобно прошептала она. – Но... я не понимаю, как... фотография... мы передумали... решили, что теперь это незачем...

Вивьен знала, о чем речь; именно из-за нее они отказались от своего плана. Долли схватила подругу за локоть:

– Мы передумали отправлять письмо... а теперь Джимми...

Вивьен кивнула. На ее лице было написано сострадание.

– Послушай, – сказала она. – Очень важно, чтобы ты меня выслушала. Они знают, где ты живешь, и придут за тобой.

Долли не хотела верить. Ей было страшно, горячие слезы бежали по лицу.

– Это я виновата, – вновь услышала она собственный голос.

– Долли, не надо.

Налетела новая волна бомбардировщиков, и Вивьен, стискивая руки Долли, должна была перейти на крик, чтобы перекрыть их гул.

– Теперь это все не имеет значения. Они придут сюда. Возможно, уже идут. Вот почему я здесь.

– Но...

– Тебе надо покинуть Лондон, прямо сейчас, и больше сюда не возвращаться. Тебя будут искать, куда ты жива...

Где-то неподалеку прогремел взрыв, и все здание задрожало и зашаталось. Бомбы падали все ближе, и хотя в комнате не было окон, ее заполнил призрачный свет, куда более яркий, чем от единственной тусклой лампочки.

– У тебя есть родственники, к которым ты можешь уехать? – настаивала Вивьен.

Долли мотнула головой. Перед глазами на миг возникли папа, и мама, и бедный маленький братик, какими они все были. Снаружи просвистела бомба, застрочили зенитки.

– Друзья? – Вивьен пыталась перекричать шум.

Долли вновь мотнула головой. Ей не на кого рассчитывать. У нее никого не осталось, кроме Вивьен и Джимми.

– Есть какое-нибудь место, куда ты можешь поехать?

Снова свист падающей бомбы, судя по звуку – фугаса, и взрыв такой силы, что Долли пришлось читать у Вивьен по губам.

– Думай, Долли! Ты должна что-нибудь придумать!

Долли закрыла глаза. Пахло дымом. Наверное, где-то рядом упала зажигалка. Люди из ПВО, видимо, уже тушат ее бугельными насосами. Кто-то кричал, но Долли только сильнее зажмурилась, уговаривая себя сосредоточиться. Мысли рассыпались, как осколки; в голове был сплошной туман. Пол под ногами ходил ходуном, и ей не хватало воздуха.

– Долли!

В небе гудели еще самолеты, теперь, кроме бомбардировщиков, там были истребители. Долли вспомнила себя на крыше дома в Кемпден-гроув. Самолеты, пикирующие и закладывающие виражи, зеленые трассирующие снаряды, далекие огни пожаров... Когда-то все это казалось увлекательным приключением.

Ей вспомнилось, как они с Джимми смеялись и танцевали в «Клубе 400», потом прибежали сюда, а снаружи вот так же рвались бомбы. Она бы все отдала, чтобы снова лежать в обнимку, перешептываться в темноте под грохот взрывов и строить планы на будущее: дом, дети, море... Да, море...

– Недели три назад я написала женщине, которая предлагала работу, – внезапно сказала она, поднимая голову. – Джимми нашел объявление...

Письмо от миссис Николсон из пансиона «Морская лазурь» по-прежнему лежало на прикроватном столике, и Долли дрожащей рукой протянула его Вивьен.

– Да. – Вивьен прочитала письмо. – Идеально. Туда и поезжай.

– Я не хочу ехать одна. Мы...

– Долли...

– Мы собирались ехать вместе. Мы уже все придумали, он должен был меня подождать...

Долли заплакала. Вивьен хотела погладить подругу по щеке, но Долли как раз потянулась к ней, так что больно ударила о ее ладонь.

Вивьен не извинилась. Лицо у нее было серьезное. Долли видела, что она тоже напугана, но пересиливает страх, словно заботливая старшая сестра.

– Дороти Смитэм, – сказала Вивьен тем строгим любящим голосом, который Долли сейчас так важно было услышать. – Ты должна покинуть Лондон. Причем немедленно.

– Я не смогу.

– Сможешь. Ты должна жить.

– Но Джимми...

– Прекрати. – Вивьен взяла ее лицо в ладони – твердо, но ласково. Ее глаза светились добротой. – Ты любила Джимми, и, видит бог, он тоже тебя любил. Но ты должна меня выслушать.

В ее голосе было что-то бесконечно успокаивающее, и Долли заставила себя забыть про рев пикирующего бомбардировщика, про стрекот зениток, про то, что рядом рушатся дома и люди превращаются в кровавое месиво.

Они сидели обнявшись, и Долли слушала, как Вивьен говорит:

– Иди на вокзал и купи билет.

Бомба взорвалась совсем близко. Вивьен на мгновение замерла, затем продолжила быстро:

– Сядь в поезд и поезжай до конечной станции. Не оглядывайся. Устройся на работу. Живи правильной жизнью.

Правильная жизнь – это то, о чем они с Джимми всегда мечтали. Будущее, деревенский дом, смеющиеся дети, довольные, ухоженные курицы... Слезы бежали у Долли по щекам. Вивьен тоже плакала. Она понимала, что будет скучать по Долли... они обе будут друг по дружке скучать.

– Жизнь дает тебе второй шанс, Долли. Воспользуйся им. Считай его подарком судьбы. После всего, через что ты прошла, после всех твоих утрат.

И Долли понимала, что, как ни трудно это принять, Вивьен права.

Больше всего хотелось выкрикнуть «нет!», свернуться калачиком и рыдать об утраченном, о том, что все пошло не так, как они мечтали, однако Долли понимала: сдаваться нельзя. Она должна жить. Так сказала Вивьен, а ей можно верить. Она столько выстрадала и все же нашла в себе силы идти дальше. Если сумела Вивьен, сумеет и Долли. Она потеряла все, но у нее есть, ради чего жить, она сама поставила себе цели, обрела новый смысл существования. Сейчас надо собрать все мужество, стать лучше, чем она была прежде. Долли совершала поступки, о которых стыдно вспоминать; все ее грандиозные планы оказались глупыми девчачьими мечтами и рассыпались в прах. Однако каждый человек заслуживает второй попытки и каждый достоин прощения, даже она, – так сказала Вивьен.

– Да, – проговорила Долли под новые взрывы бомб.

Лампочка заморгала, раскачиваясь на проводе, но не погасла. Тени метались по стене. Долли вытащила чемодан, не обращая внимания на взрывы, на проникающий в комнату дым от горящих домов, на марево, от которого щипало глаза.

Вещей у нее было совсем немного, а то единственное дорогое, что хотелось бы взять с собой, в чемодан не спрячешь. При мысли о расставании с Вивьен у Долли упало сердце. Она вспомнила, что та написала в «Питере Пэне»: «Истинный друг – свет в ночи». На глаза вновь навернулись слезы.

Однако выбора не оставалось, надо было уходить. Впереди лежало будущее: вторая попытка, новая жизнь. Ухватиться за новый шанс и не оглядываться. Ехать к морю, как они собирались, и начать все с чистого листа.

Она почти не слышала самолетов над крышей, падающих бомб, бьющих в небо зениток. Земля дрожала от каждого взрыва, штукатурка сыпалась с потолка. Цепочка на двери дребезжала, но Долли ни на что не обращала внимания. Чемодан был собран, пришло время прощаться.

При взгляде на Вивьен ее готовность вновь ослабела.

– А ты? – спросила Долли. На секунду ей подумалось, что они могли бы уехать вместе. Как ни странно, это было бы идеальное решение, единственное по-настоящему правильное. Каждая из них сыграла в этой истории свою роль, и ничего бы не произошло, если бы Вивьен и Долли не встретились.

Наивная мысль. Разумеется, Вивьен не нуждалась во второй попытке. У нее и так есть все, что можно пожелать. Прекрасный дом, много денег, сногшибательная внешность... Вивьен протянула Долли приглашение миссис Николсон и сквозь слезы улыбнулась на прощание. Обе женщины знали в душе, что видятся в последний раз.

– Обо мне не беспокойся. – Голос Вивьен был еле слышен в реве бомбардировщика. – У меня все будет хорошо. Я отправляюсь домой.

Долли крепко сжала письмо и с решительным кивком повернулась навстречу будущему, не зная, что оно сулит, но готовая встретить все, что ее ждет.

4

Суффолк, 2011 год

Из больницы сестры Николсон ехали в машине Айрис, и хотя по старшинству Лорел полагалось место впереди, она устроилась сзади, среди собачьей шерсти. Лорел была не только старшей сестрой, но также и знаменитостью, и ей не хотелось давать сестрам повод считать, будто она задается. Она сама выбрала заднее сиденье и, избавленная от необходимости поддерживать разговор, ушла в свои мысли.

Дождь закончился, выглянуло солнце. Ее так и подмывало расспросить Роуз о Вивьен – она уже слышала это имя, каким-то образом оно было связано с тем ужасным днем в тысяча девятьсот шестьдесят первом. Однако любопытство Айрис не знает пределов, а Лорел не была готова к допросу. Пока сестры болтали, она рассматривала пролетающие мимо поля. Окна были закрыты, но Лорел почти ощущала запах свежескошенной травы и слышала крики галок. Пейзаж детства так въедается в кровь, что, если спустя годы он изменился, ты по-прежнему видишь тот, привычный.

Пятьдесят лет растаяли, словно дым, и сейчас Лорел видела, как ее призрак несется мимо изгороди на зеленом велосипеде «Малверн стар», а одна из младших сестер сидит на раме. Загорелая кожа, светлые волоски на голени, царапины на коленке. Как давно это было. А кажется, будто вчера.

– Это для телевидения?

Лорел подняла глаза. Айрис подмигнула ей в зеркале заднего вида.

– Что?

– Интервью, из-за которого ты задержалась.

– Их будет несколько. Следующая запись в понедельник.

– Роуз говорила, что ты к нам ненадолго. Интервью для телевидения?

– Обычный часовой биографический фильм. Интервью режиссеров и актеров, с которыми я работала, отрывки из старых картин, всякие детские глупости...

– Слышала, Роуз? – с сарказмом спросила Айрис. – Детские глупости. – Она бросила на Лорел сердитый взгляд. – Надеюсь, ты не станешь размахивать моими фотографиями в неглиже?

– Какая жалость, – вздохнула Лорел, снимая с черных брюк белый волос. – Ушел мой лучший материал. Ума не приложу, о чем теперь говорить?

– Ничего страшного. Камера включится, что-нибудь сообразишь.

Лорел улыбнулась про себя. Чрезмерное уважение окружающих утомляет; приятно для разнообразия обмениваться шпильками с истинным мастером этого дела.

Неожиданно тихоня Роуз вспыхнула.

– Вы только посмотрите! – воскликнула она, потрясая обеими руками. – Новый супер-маркет. Как будто трех старых недостаточно!

– Просто возмутительно!

Раздражение Айрис, умело перенаправленное, переключилось на другой объект, и Лорел отвернулась к окну. Они пересекли город, постепенно широкая Хай-стрит сузилась, обратившись проселочной дорогой, такой знакомой, что Лорел могла следовать за ее изгибами с закрытыми глазами. Когда деревья подступили ближе, разговор впереди замер, и, наконец, Айрис включила поворотник и свернула на узкую аллею. Надпись на указателе гласила: «Зеленый лог».

* * *

Дом стоял там же, где всегда, в конце аллеи, окнами на лужайку. Ничего удивительного, обычно дома стоят там, где их оставили. Айрис припарковалась у дома – на месте, где долго ржавел отцовский «моррис-майнор», пока мама не согласилась его продать.

– Крыша совсем обветшала, – заметила Лорел.

– Из-за нее у дома такой печальный вид, – согласилась Роуз. – Пойдем, покажу новые течи в потолке.

Лорел закрыла дверцу, но осталась стоять на месте. Засунув руки в карманы, она пыталась охватить взглядом всю картину – от запущенного сада до растрескавшихся дымовых труб. Выступ, с которого они опускали Дафну в корзине, балкон, где устраивали представления, развешивая вместо занавеса старые шторы, чердак, где Лорел училась курить.

Неожиданно Лорел пронзило ощущение: а ведь дом ее помнит.

Она давно вышла из романтического возраста, но ощущение было так сильно, что на миг Лорел и впрямь поверила, будто дерево, красный кирпич, изъеденная временем черепица и старые рамы обладают памятью. Она чувствовала, что дом всматривается в нее каждым оконным стеклом, пытаясь соединить немолодую женщину в дорогом костюме и молоденькую девушку, грезившую над портретом Джеймса Дина⁵. Интересно, что он думает о ней сегодняшней?

Ерунда, дом не способен думать. Дома не помнят людей, ничего они не помнят. Это ее память, ее воспоминания. Ничего удивительного, с двух до семнадцати лет Лорел жила здесь, хотя с тех пор, как она была на ферме в последний раз, утекло немало воды. Время от времени Лорел навещала мать в больнице, но сюда так ни разу не доехала. Что поделаешь, работа. Она позаботилась загрузить себя выше крыши.

– Забыла, где дверь? – донесся из дома голос Айрис. – Только не говори, что ждешь дворецкого, который занесет внутрь твои вещи.

Лорел округлила глаза, подхватила сумку и пошла к дому. По каменной дорожке, которую ее мать случайно обнаружила однажды летом шестьдесят с лишним лет назад...

* * *

Дороти Николсон с первого взгляда поняла, где будет вить семейное гнездо. Они не собирались подыскивать дом. Война закончилась несколько лет назад, капитала Николсоны нажить не успели, да и свекровь согласилась выделить им комнату (в обмен на помощь по дому, а вовсе не за красивые глаза). Дороти и Стивен Николсон просто в кои-то веки выбрались на пикник.

Однажды в июле мать Стивена забрала малышку Лорел к себе, и, проснувшись рано утром, Николсоны засунули корзинку и плед на заднее сиденье и поехали куда глаза глядят. Некоторое время все шло как по маслу – ее рука на его колене, его рука на ее плече, свежий ветер врывается в открытое окно, – но неожиданно раздался хлопок.

Остановив машину, Николсоны вышли. Все было ясно, как дважды два: огромный гвоздь пропорол резину насквозь.

Николсоны были молоды, любили друг друга, и им нечасто приходилось побыть наедине, поэтому они не стали унывать. Пока муж возился с колесом, Дороти поднялась на холм у дороги в поисках места для пикника. И с вершины холма увидела ферму «Зеленый лог».

⁵ Джеймс Байрон Дин (1931–1955) – американский киноактер. В двадцать четыре года разбился на машине, успев сняться всего в трех серьезных фильмах. Эти роли, а также трагическая смерть и короткая жизнь, окутанная легендами и мифами, надолго сделали его героем молодежного культа.

Все в этом рассказе было правдой, Лорел ничего не придумала. Дети Николсонов знали историю фермы наизусть. Старый фермер, открывший Дороти дверь, почесал в затылке. Он предложил ей выпить чаю в гостиной, где птицы свили гнездо в очаге, а в полу зияли дыры. Однако маму это ничуть не смутило; она сразу поняла, что жить они будут здесь, и больше нигде.

Дом, как много раз объясняла детям Дороти, заговорил с ней, и они поняли друг друга с первого слова. Он был словно властная старая дама, слегка обносившаяся, своевольная и не без странностей, ну а кто из нас ангел? За ветхостью скрывалось бывшее достоинство. Дом был горд и одинок, он нуждался в детском смехе, любви и запахе баранины с розмарином, томящейся в духовке. А еще он был честен, благовраден, преисполнен планов на будущее и с радостью принял в свои объятия новую семью. Странно, почему Лорел раньше не приходило в голову, что описание дома было, по сути, маминым портретом?

* * *

Лорел вытерла ноги о коврик и вошла внутрь. Половицы привычно скрипнули, мебель стояла на прежних местах, но что-то изменилось. В воздухе висел запах сырости – неудивительно, дом стоял закрытым с тех пор, как Дороти забрали в больницу. Роуз бывала здесь наездами, когда внуки соглашались ее подбросить, да и муж Роуз Фил старался как мог, но чувствовалось, что в доме никто не живет. Лорел поежилась. Как мало нужно, чтобы цивилизация уступила место девственной природе.

Упрекнув себя за мрачные мысли, она поставила сумку рядом с сумками сестер, и ноги сами повлекли ее на кухню. Здесь готовили еду, заклеивали ссадины, рыдали над разбитыми сердцами, сюда первым делом направлялись все, кто входил в дом. Роуз и Айрис уже были там.

Роуз щелкнула выключателем за холодильником, электричество загудело, и она радостно потерла ладони.

– Чаю?

– Отличная мысль, – согласилась Айрис, которая уже скинула уличные туфли и теперь сгибала и разгибала ноги в коленях, словно балерина перед выходом на сцену.

– У меня есть вино, – сказала Лорел.

– Другое дело. Чай отменяется.

Пока Лорел шарила в сумке, Айрис достала из буфета бокалы.

– А ты, Роуз? – Она подняла бокал и строго посмотрела на сестру поверх очков. Глаза Айрис были такого же темно-серого цвета, что и коротко стриженные волосы.

– Ох, даже не знаю. – Роуз поднесла круглые часики прямо к глазам. – Еще и шести-то нет.

– Брось, Розы, дорогая, – сказала Лорел, шаря среди слегка влажных столовых приборов в поисках штопора. – В вине сплошные антиоксиданты. – Найдя штопор, она прищелкнула липкими пальцами. – Не напиток, а эликсир здоровья.

– Ладно, так и быть.

Лорел вынула пробку и наполнила бокалы. Поймав себя на том, что по детской привычке проверяет уровень жидкости, она улыбнулась. Главное, чтобы Айрис была довольна. Всем поровну, гласил закон, но средние сестры следовали ему с маниакальной одержимостью. «Хватит считаться, ласточка, – обычно говорила мама. – Никто не любит девочек, которые хотят получать больше остальных».

– Мне глоточек, Лол, – попросила Роуз. – Не хочу выбыть из строя до приезда Дафны.

– Кстати, она звонила? – Лорел протянула самый полный бокал Айрис.

– А разве я не сказала? Вечно все забываю! Если не застрянет в пробке, будет к шести.

– Тогда неплохо бы заняться ужином, – сказала Айрис, открывая кладовку и разглядывая сроки годности на этикетках. – Если доверить ужин вам, будем жевать бутерброды с чаем.

– Помочь? – предложила Роуз.

– Нет-нет. – Айрис, не оборачиваясь, замахала руками. – Сама справлюсь.

Роуз посмотрела на Лорел, та передала ей бокал и указала в сторону двери. Этот обычай в семье соблюдался свято: готовила всегда Айрис, всегда с видом мученицы, а остальные позволяли ей наслаждаться своим самопожертвованием: чего не сделаешь ради сестры?

– Ну, нет так нет, – сказала Лорел, доливая в свой бокал еще немного пино.

* * *

Роуз отправилась проверить, все ли в порядке в комнате Дафны, а Лорел, прихватив бокал, вышла во двор. Она полной грудью вдохнула свежий после дождя воздух, села на скамейку-качели и начала раскачиваться, отталкиваясь каблуками. Качели были их общим подарком матери на восьмидесятилетие. Дороти с порога заявила, что лучшего места, чем под дубом, для них не найти. Никто не стал возражать. Хотя в саду хватало куда более живописных уголков, Николсоны знали, чем дорога их матери эта пустая лужайка. Где-то здесь, на траве, умер их отец.

Память – штука прихотливая. Память перенесла Лорел в тот вечер: она стояла на лужайке, прикрываясь от солнца рукой, и зоркими юными глазами высматривала отца, готовясь каждую секунду сорваться с места и повиснуть у него на шее. Он шел по траве, посреди поля остановился, посмотрел на розовые облака, заметил, что красный закат к непогоде, а потом неожиданно дернулся, начал задыхаться, схватился за грудь и упал.

На самом деле все случилось совсем иначе. В день смерти отца Лорел занесло на другой край света, и лет ей было не шестнадцать, а пятьдесят шесть. Она присутствовала на церемонии вручения «Оскара», гадая про себя, неужели она единственная здесь обходится без коллагена и ботокса, и ничего не знала, пока не пришло сообщение от Айрис.

Нет, в тот солнечный полдень на глазах шестнадцатилетней Лорел умер совсем другой человек.

Хмуро разглядывая горизонт, Лорел закурила и на ощупь сунула в карман коробок. Дом и сад еще были залиты солнцем, но дальние поля уже погрузились в тень. Она посмотрела вверх, где среди листвы проглядывали доски. Старую лестницу, что вела в дом на стволе, от времени перекосило. Кто-то украсил верхнюю ступеньку ниткой блестящих розовых бус. Наверняка внуки Роуз.

В тот летний день она не спешила спускаться по ступенькам.

Лорел глубоко затянулась, погружаясь в воспоминания.

Девочка на дереве очнулась и вспомнила все: незнакомого мужчину, нож с алой ленточкой, искаженное страхом лицо матери – и принялась медленно спускаться на землю.

Внизу она прижалась лбом к стволу, оттягивая решение: куда идти, что делать? В голове мелькнула странная мысль: нужно бежать к ручью, привести сестер, брата и папу с его кларнетом и мечтательной улыбкой...

Только сейчас Лорел заметила, что давно не слышит их голосов.

Крадучись и пряча глаза, она пошла по горячим каменным плитам дорожки. Покосилась в сторону: среди грядок что-то белело – что-то, чему здесь не было места. Лорел отвела глаза и ускорила шаг, по-детски надеясь, что, если не смотреть, все станет как прежде.

Она была не в себе, но внешне казалась неестественно спокойной. Словно кто-то накинул на плечи принцессе волшебный плащ и она исчезла, а когда вернулась, обнаружила, что весь замок спит крепким сном. Прежде чем войти в дверь, Лорел подняла с земли обруч.

В доме было тихо. Солнце зашло за крышу, и в углах коридора залегли тени. Она подождала, пока глаза привыкнут к темноте. Нагретые за день водосточные трубы, поскрипывая, остывали – этот звук принадлежал долгим летним сумеркам с мошкаррой, что кружит и кружит вокруг лампы.

Лорел посмотрела на лестницу, покрытую ковром, и шестым чувством поняла, что сестер в доме нет. Тикали часы. Внезапно ей стало страшно: а вдруг все они ушли и оставили ее с тем, что лежит в саду под простыней? По спине прошла дрожь. Глухой стук, пришедший из гостиной, заставил Лорел обернуться. Отец опустил кулак на деревянную каминную полку и воскликнул:

– Ради бога, мою жену могли убить!

Из-за двери донесся спокойный мужской голос:

– Я понимаю вас, мистер Николсон, но и вы должны понять, что мы лишь выполняем свою работу.

Лорел на цыпочках подкралась к двери. Мама сидела в кресле, прижимая к груди дитя. Малыш спал, Лорел отчетливо видела его ангельский профиль и пухлые щеки.

Двое незнакомцев: лысый на диване, второй, помоложе, у окна – что-то строчили в блокнотах. Полицейские, догадалась Лорел. Произошло что-то ужасное. Посреди залитого солнцем сада лежала белая простыня.

– Вы встречались с ним раньше, миссис Николсон? – спросил полицейский постарше. – Могли бы узнать его издали?

Мама не ответила, – во всяком случае, ее бормотания никто не расслышал. Она задумчиво водила губами по детскому затылку, покрытому нежным пушком.

– Разумеется, нет, – ответил муж за нее. – Она уже сказала, что видела его первый раз в жизни. И я бы посоветовал вам сравнить его приметы с приметами того приятеля, о котором писали в газетах.

– Не сомневайтесь, мистер Николсон, мы ничего не упустим, но сейчас у нас есть только труп в саду и показания вашей жены.

– Этот человек напал на нее! – вспыхнул отец. – Ей пришлось защищаться!

– Вы видели собственными глазами, мистер Николсон?

Уловив в тоне полицейского нотку недоверия, Лорел испуганно отпрянула от двери. Они не знают, что она здесь. И никогда не узнают. Она тихонько поднимется в спальню, стараясь, чтобы половицы под ногами не скрипели, и забьется под одеяло. Она тут ни при чем, пусть взрослые сами разбираются со своими загадочными взрослыми делами...

– Я спрашиваю, вы там были, мистер Николсон? Видели, что произошло?

...но ее неудержимо влекло в гостиную, из сумрачного коридора в комнату, залитую солнечным светом. Эта странная мизансцена, непривычно серьезный голос отца, его напряженная поза. Лорел нравилось, всегда нравилось быть в центре событий, не рассуждая, бросаться на помощь, ее вечно мучил страх проспать в жизни что-то очень важное.

Она была напугана, нуждалась в поддержке. Как бы то ни было, Лорел вышла из кулис прямо на авансцену.

– Я там была, – промолвила она. – Я все видела.

Отец удивленно воззрился на дочь, перевел взгляд на жену, потом снова на дочь.

– Лорел, – сказал он хрипло, почти прошепел, – не выдумывай.

Все глаза смотрели на нее. Следующая реплика решит дело, подумала Лорел, избегая папиного взгляда. Набрав воздуха в легкие, она выпалила:

– Этот человек выскочил из-за угла. Он хотел схватить малыша.

Хотел ли? Лорел была уверена, что хотел.

– Лорел... – нахмурился отец.

Тогда она заговорила, решительно и твердо. (Она не ребенок, которого можно отослать в постель. У нее своя роль в этой пьесе. И не последняя.) Огни рампы сияли, и Лорел бесстрашно встретила взгляд лысого.

– Завязалась борьба. Я все видела. Тот человек напал на мою маму, а потом... потом он упал.

Целую минуту никто не произносил ни слова. Лорел смотрела на мать, которая больше не водила губами по затылку спящего младенца, а смотрела куда-то поверх плеча дочери. А ведь к чаю никто так и не притронулся, спустя годы вспомнила Лорел. Полные чашки стояли на столе, одна – на подоконнике. Тикали часы.

Наконец лысый встал с дивана и кашлянул.

– Вы ведь Лорел?

– Да, сэр.

Отец выдохнул, словно из воздушного шара выпустили воздух.

– Моя дочь, – произнес он, уже не сопротивляясь. – Старшая.

Полицейский смерил Лорел внимательным взглядом, губы тронула улыбка, но глаза остались холодными.

– Не стойте на пороге, Лорел. Садитесь и расскажите нам все, что видели, по порядку.

5

Лорел сидела на диване, ожидая отцовского одобрения, а когда тот нехотя кивнул, начала рассказ обо всем, чем занималась с утра. Обо всем, что видела, по порядку. Она читала в доме на дереве, а потом заметила незнакомца.

– Почему вы на него посмотрели? В нем было что-то необычное? – По тону полицейского было невозможно угадать, о чем он думает.

Лорел нахмурилась, стараясь показать, что заслуживает доверия. Нет, он не бежал, не кричал, но было в нем что-то – в поисках нужного выражения она уставилась в потолок – зловещее. Лорел повторила слово, словно пробуя его на вкус. Незнакомец выглядел зловеще, и она испугалась. Нет, не чего-то определенного, просто испугалась.

Возможно, то, что случилось потом, наложило отпечаток на первое впечатление?

Нет, в нем определенно было что-то пугающее.

Полицейский помоложе строчил в блокноте. Лорел выдохнула. На родителей она не смотрела, чтобы не утратить присутствия духа.

– Итак, незнакомый мужчина подошел к дому. Что случилось потом?

– Он подкрался из-за угла, не просто вышел, как обычный прохожий, а коварно подкрался сзади, и тут мама с братом на руках вышла из дома.

– Ваша мама держала ребенка на руках?

– Да.

– В руках у нее было что-то еще?

– Да.

– Что именно?

Лорел прикусила щеку, вспоминая влажный серебряный блеск.

– Нож для торта.

– Вы его узнали?

– Он у нас только для праздников. У него вокруг ручки красная ленточка.

В манере полицейского ничего не изменилось.

– Что случилось потом?

Лорел не замедлила с ответом:

– Он напал на маму.

Легкая тень сомнения, словно солнечное пятнышко на фотоснимке, омрачила мысли Лорел. Мгновение она сосредоточенно изучала собственные коленки, затем продолжила. Мужчина бросился к Джерри, она точно помнит, как он протянул руки к ребенку. Маме пришлось заслонить малыша собой, опустить его на землю. Незнакомец попытался отобрать у нее нож, завязалась борьба...

– И что потом?

Лорел сглотнула, во рту пересохло.

– Потом мама ударила его ножом.

В комнате стало тихо, только скрипела бумага. Лорел совершенно ясно видела перед собой картинку: ужасный человек с темным лицом и огромными ручищами набрасывается на ее мать, пытается схватить малыша...

– Незнакомец упал?

Ручка перестала скрипеть. Полицейский помоложе поднял глаза от блокнота и посмотрел на Лорел:

– Сразу после удара ножом незнакомец упал на землю?

Лорел робко кивнула:

– Да.

– Вы уверены?

– Больше я ничего не помню. Я потеряла сознание и очнулась в доме на дереве.

– Когда?

– Только что. И сразу вернулась сюда.

Полицейский постарше набрал воздуха в легкие и с шумом выпустил его наружу.

– Желаете добавить что-нибудь? Возможно, вы видели или слышали что-нибудь еще?

Полицейский провел рукой по лысине. Глаза у него были светло-голубые, почти серые.

– Не спешите, любая незначительная деталь может оказаться важной.

Все ли она рассказала? Возможно, она видела или слышала что-то еще? Лорел задумалась. Нет, она ничего не упустила.

– Значит, ничего?

Она кивнула. Папа хмуро смотрел исподлобья.

Полицейские обменялись взглядами, старший едва заметно кивнул, младший захлопнул блокнот. Допрос закончился.

* * *

Сидя на подоконнике, Лорел смотрела, как трое мужчин вышли за калитку. По дороге они не разговаривали, потом лысый что-то спросил, и папа ответил, показывая на темнеющее небо. Возможно, мужчины обсуждали погоду, виды на урожай или историческое прошлое Суффолка, – впрочем, вряд ли.

Фургон неуклюже въехал на аллею; полицейский помоложе, шагая по высокой траве, шел ему навстречу, махая руками. Лорел смотрела, как шофер вышел из машины, как с заднего сиденья извлекли носилки, как простыня (не такая уж белая, пятна крови успели почернеть) прошелестела по саду. Полицейские погрузили труп на носилки, фургон укатил, а папа вернулся в дом. Лорел слышала, как захлопнулась дверь. Ботинки полетели на пол – один, затем второй, – и, неслышно ступая ногами в носках, папа вошел в гостиную, где сидела мама.

Лорел задержала шторы и отвернулась от окна. Полицейские ушли. Она сказала правду. Почему же теперь ей не по себе?

Лорел вздрогнула. Незнакомец назвал маму по имени.

Об этом она полицейскому не сообщила. Лысый спросил, не желает ли она что-нибудь добавить, не видела ли чего-нибудь еще, но она промолчала.

Дверь отворилась, и Лорел подскочила на месте, ожидая увидеть полицейского, который вернулся, чтобы продолжить допрос. Но это был папа, который зашел сказать, что заберет сестер у соседей. Малыш заснул, мама легла. У двери он остановился и принялся барабанить пальцами по косяку.

– Это было ужасно, – промолвил он наконец.

Лорел закусила губу, чтобы не разрыдаться.

– Твоя мать – очень храбрая женщина.

Лорел кивнула.

– Она держалась молодцом. И ты тоже.

– Спасибо, папа, – пробормотала Лорел, глотая слезы.

– Полиция считает, что это тот самый псих, который пугал женщин у реки, про него еще в газетах писали. Приметы совпадают, да и кому еще пришлось бы в голову напасть на твою мать?

И впрямь, Лорел, заметив незнакомца, сразу же вспомнила газетные статьи. Ей стало немного легче.

– Выслушай меня, Лол. – Папа сунул руки в карманы и беспокойно пошевелил пальцами. – Мы с мамой решили, что не стоит ничего рассказывать твоим сестрам. Они еще малень-

кие, не поймут. Я бы предпочел, чтобы и тебя тут в это время не было, но уж что вышло, то вышло.

– Прости, папа.

– Тебе не за что извиняться. Ты помогла полиции, своей матери, и теперь все позади. Плохой человек пришел в наш дом, но все закончилось благополучно. И теперь все у нас будет хорошо.

В последних словах отца Лорел почудился скрытый вопрос, и она ответила:

– Да, папа, все у нас будет хорошо.

Он криво улыбнулся:

– Ты хорошая девочка, Лорел. Теперь я пойду за твоими сестрами, а все, что случилось сегодня, останется между нами.

* * *

Они исполнили уговор. То, что произошло тем летним полднем в саду, осталось великой тайной семейной истории. Сестрам ничего не сказали, а Джерри был маленький и ничего запомнить не мог. Хотя, как показали дальнейшие события, в последнем пункте они заблуждались.

Конечно, сестры заподозрили неладное: в тот день их бесцеремонно отволокли к соседям и усадили перед новехоньким телевизором «Декка»; несколько недель родители ходили мрачнее тучи, а парочка полицейских зачастила в дом. Впрочем, они и на миг не усомнились в словах папы, который объяснил, что в день рождения Джерри какой-то несчастный бродяга умер на лужайке перед домом. Печально, но ничего не поделаешь, всякое бывает.

Лорел отчаянно грызла ногти. Полицейское расследование завершилось за несколько недель. Приметы убитого совпали с приметами эксгибициониста, полицейские сказали, что у такого рода извращенцев часто развивается агрессивность, а показания Лорел окончательно убедили всех, что Дороти Николсон действовала в целях самообороны. Злодей получил по заслугам, мать и дитя спасены, а прессе незачем совать нос в детали расследования. К счастью, на дворе стояли времена, когда сдержанность и благоразумие еще были в чести и джентльменские соглашения между полицией и газетчиками соблюдались. Занавес опустился, история завершилась.

И все же Лорел не находила себе места от беспокойства. Пропасть между ней и остальными членами семьи росла. События того злосчастного дня все время прокручивались в голове – то, что она сказала полицейским, и особенно то, чего не сказала. Порой Лорел почти задыхалась от страха. Где бы она ни была – в доме или в саду, – воспоминания не давали проходу, и больше всего тревожила невозможность найти объяснение тому, что случилось.

Удачно пройдя прослушивание и не поддавшись на уговоры родителей, которые умоляли ее окончить школу, подумать о сестрах и братике, который души в ней не чает, она собрала вещи – как обычно, только самые необходимые – и оставила родной дом. Ее жизнь изменилась внезапно и бесповоротно, словно флюгер, пустившийся в пляс под мощным порывом ветра.

* * *

Лорел допила вино и теперь рассматривала грачей, кружащих над папиной лужайкой. Кто-то повернул выключатель, и мир начал погружаться во тьму. У всех актрис есть любимые слова, «закат» был коронным словом Лорел. Ей нравилось его произносить, нравилось ощущение надвигающейся темноты и беспомощности, и в то же время было в нем что-то рожающее надежду, что-то, что рифмовалось со словом «восход».

Сумерки, закат были прочно связаны с детством, с жизнью до отъезда в Лондон. Вот папа возвращается с работы на ферме, мама у плиты пеленает Джерри, сестры наверху хохочут над Айрис, которая, как обычно, кого-то передразнивает (спустя много лет Айрис стала директором школы – самым очевидным объектом для пародий). Время теней, когда в доме пахнет мылом, а большой дубовый стол накрывают к ужину. Сейчас Лорел почти жалела, что так и не обзавелась собственным домом.

Что-то мелькнуло в той стороне, откуда папа обычно возвращался с фермы, и Лорел замерла, но это был всего лишь автомобиль. Она встала, допила из бокала последние капли и, обняв себя руками за плечи (уже заметно похолодало), медленно побрела к калитке. Дафна энергично замигала фарами, и Лорел приветственно вскинула руку.

6

Большую часть ужина Лорел изучала лицо младшей из сестер. Что-то с ним сделали, и результат впечатлял. «Потрясающий новый увлажняющий крем», – ответила бы Дафна, если бы Лорел пришло в голову спросить. Вместо этого она молча кивала, слушая рассказы сестры, которая трясла кудряшками, развлекая компанию историями из жизни шоу «Утро Лос-Анджелеса», где каждый день читала прогноз погоды и флиртовала с ведущим по имени Чип. О том, чтобы вклиниться в ее самозабвенный монолог, не приходилось и мечтать, и когда наконец такая возможность представилась, Роуз и Лорел заговорили одновременно.

– Давай ты. – Лорел качнула бокалом – опять опустевшим, отметила она про себя, – в сторону Роуз.

– Мне кажется, нужно обсудить мамин день рождения.

– Согласна, – подала голос Айрис.

– Я кое-что придумала, – вступила Дафна.

– Очевидно...

– Само собой...

– Я считаю...

– А ты что думаешь, Роза? – спросила Лорел.

– Я думаю, – Роуз, привыкшая уступать бойким сестрам, смущенно откашлялась, – что придется праздновать в больнице. Тем более надо придумать что-нибудь особенное. Вы же знаете, как мама относится к дням рождения.

– Именно это я и хотела сказать. – Дафна подавила икоту, прикрыв рот розовыми ноготками. – К тому же это в последний раз.

Молчание за столом нарушало лишь грубое тиканье швейцарских часов.

– Должна сказать, с тех пор, как ты перебралась в Штаты, ты стала гораздо... бесцеремоннее, – фыркнула Айрис, приглаживая жесткий ежик седых волос.

– Я просто хотела сказать...

– Мы знаем, что ты хотела сказать.

– Но это правда!

– Тем более незачем упоминать об этом вслух.

Лорел внимательно разглядывала собеседниц. Айрис негодовала, Дафна обиженно моргала, Роуз так теребила косу, что, казалось, та вот-вот оторвется. За столько лет сестры ничуть не изменились.

– Хорошо бы чем-нибудь ее порадовать, – вздохнула Лорел. – Поставить пластинку из папиной коллекции. Ты это имела в виду, Роза?

– Да, – ответила Роуз с благодарной улыбкой, – именно это. А еще мы могли бы вспомнить те истории, которые она для нас сочиняла.

– Про дверцу в глубине сада, которая ведет в волшебную страну...

– Про драконьи яйца, которые мы нашли в лесу...

– Про то, как она сбежала из дому с бродячим цирком...

– Ты помнишь цирк, который мы построили? – неожиданно спросила Айрис.

– Мой цирк! – просияла Дафна.

– Твой, твой, – перебила Айрис, – но только потому...

– Потому что я заболела корью и пропустила выступление настоящего, когда он приехал в город на гастроли. – Дафна рассмеялась воспоминаниям. – Папа соорудил на лужайке шатер, мы были клоунами, Лорел изображала льва, а мама ходила по канату.

– И у нее отлично получалось, – заметила Айрис. – Ни разу не упала. Должно быть, тренировалась много недель подряд.

– Или и впрямь в детстве удрала из дому с цирком, – сказала Роуз. – Я почти готова в это поверить.

Дафна довольно хмыкнула.

– Нам повезло с мамой. Кажется, она так и не перестала быть ребенком. Не то что другие матери. Я всегда ощущала неловкость, когда к нам домой приходили одноклассники.

– Ты? Неловкость? – Айрис изобразила удивление.

– А что вы скажете, – вклинилась Роуз, желая прекратить назревающую перепалку, – если я испеку мамин фирменный бисквитный торт?

– Помнишь тот нож? – воскликнула Дафна. – Ну, тот, с ленточкой...

– Красной, – вставила Айрис.

– ...и костяной ручкой. Мама разрезала торт только им.

– Она утверждала, что нож волшебный. Будто бы он исполняет желания.

– А ведь я и впрямь долго в это верила. – Дафна со вздохом оперлась щекой о ладонь. – Интересно, что с ним стало?

– Нож пропал, – ответила Айрис. – Я хорошо помню. Я спросила маму, и она ответила, что нож потерялся.

– Похоже, он уплыл туда же, куда в этом доме уплывали шариковые ручки и невидимки, – перебила Лорел. – Я умираю от жажды. Принесу еще вина.

– А что, если мы его найдем? – услышала она из коридора.

– Отличная мысль! Разрежем мамин торт маминым ножом...

По крайней мере, на кухне Лорел была избавлена от необходимости наблюдать за лихорадочными сборами поискового отряда. («Куда, ну куда же он подевался?» – вопрошала горячая искренним рвением Дафна.)

Лорел щелкнула выключателем, и кухня пробудилась к жизни, словно старый верный слуга, давно отошедший от дел. При бледном искусственном свете кухня показалась печальнее, чем на первый взгляд: швы между плитками покрывала тонкая пленка жирного налета – свидетельство того, что зрение Дороти неуклонно ухудшалось. Лорел стало не по себе. Давно следовало нанять маме уборщицу. Почему она об этом не подумала? И если уж начистоту, почему не нашла времени приехать и вымыть кухню сама?

Холодильник, по крайней мере, был новехонький. Когда старый добрый «Келвинатор» приказал долго жить, Лорел заказала по телефону из Лондона новую модель: энергосберегающую, с приспособлением для приготовления льда, которым мама так ни разу и не воспользовалась.

Лорел вынула из холодильника бутылку сабли, которую привезла с собой, и захлопнула дверцу. Видимо, слишком сильно – на пол свалился магнит и бумажка, тут же исчезнувшая под холодильником. Лорел чертыхнулась и, встав на четвереньки, принялась шарить среди клубков пыли.

Клочок бумаги оказался вырезкой из «Садбери крониклз»: чрезвычайно солидная Айрис в коричневом твидовом костюме и черных чулках на фоне своей школы. От путешествия под холодильник вырезка не пострадала, и Лорел задумалась, куда ее приткнуть. Задача оказалась не из легких. На дверце холодильника было не так-то просто найти свободное место, особенно после того, как кто-то додумался сделать из нее своего рода доску объявлений: все, что заслуживало внимания членов семьи, приклеивалось скотчем на большую белую дверцу. Фотографии, хвалебные отзывы, визитные карточки и, разумеется, вырезки из газет.

Внезапно Лорел вспомнилось июньское утро шестьдесят первого года, за месяц до дня рождения Джерри: все семеро сидели за столом, дружно намазывая клубничное варенье на хлеб с маслом, а папа вырезал из газеты фотографию улыбающейся Дороти рядом с ее знаменитой фасолью. Потом, когда все убрали посуду, он прикрепил вырезку на дверцу холодильника.

– Как ты?

Лорел обернулась. В дверях стояла Роуз.

– Отлично, а что случилось?

– Тебя долго не было, и я решила проверить. – Роуз наморщила нос, всматриваясь в сестру. – Должна сказать, выглядишь ты неважно.

– При таком свете любой похож на чахоточного. – Лорел завопилась со штопором, пряча лицо. – Надеюсь, кампания по розыску великого и ужасного ножа идет полным ходом?

– Еще бы. Когда эти две собираются вместе...

– Их бы энергию да в мирных целях.

– Да уж.

Горячий воздух вырвался из духовки, где Роуз пекла малиновый закрытый пирог, фирменное мамино блюдо. Сладкий запах нагретых ягод разнесся по кухне, и Лорел закрыла глаза.

Ей потребовался целый месяц, чтобы набраться мужества и задать Дороти прямой вопрос. Родители твердо решили никогда не упоминать о случившемся. Вероятно, Лорел так и не осмелилась бы начать этот разговор, если бы тот человек не начал ей сниться. Каждую ночь незнакомец в черной шляпе выходил из-за угла дома и шел к ее матери...

– Неплохо, – заметила Роуз, выдвигая противень. – До маминого ему далеко, но я не волшебница.

Лорел нашла мать на кухне – там, где сейчас стояла Роуз, – за несколько дней до отъезда в Лондон и спросила без обиняков:

– Откуда тот человек знал твое имя, мам?

Не успев договорить Лорел мысленно взмолилась: пусть мама скажет, что она ослышалась и тот человек не говорил ничего подобного.

Дороти ответила не сразу. Она подошла к холодильнику, открыла дверцу и завопилась внутри. Целую вечность Лорел разглядывала ее спину и совсем было потеряла надежду, когда мама произнесла:

– Из газеты. Полицейские сказали, что он мог прочесть обо мне в газете. Газету нашли у него в сумке.

Ясность, которой так жаждала Лорел, наступила. Незнакомец увидел фотографию Дороти в газете и отправился на поиски. Но почему? Еле слышный вопрос прозвучал где-то внутри, однако Лорел заставила его умолкнуть. Тот человек был сумасшедшим, вот и все объяснение. Да и какая теперь разница? Все давно закончилось. Лорел не стала слишком пристально всматриваться в нити рисунка, и картинка не утратила цельности.

И оставалась таковой до сих пор – до сегодняшнего дня. Невероятно, но прошло полвека, прежде чем старая фотография и упоминание забытого женского имени дали мыслям Лорел новый толчок.

Противень со щелчком встал на место.

– Еще пять минут, – объявила Роуз.

Лорел отхлебнула вина и, старательно изображая беспечность, обратилась к сестре:

– Роуз?

– Мм?

– Я про ту фотография... Та женщина, которая подарила маме книгу...

– Вивьен.

– Да. – Лорел вздрогнула и поставила бутылку на стол. Это имя оказывало на нее какое-то магическое воздействие. – Мама когда-нибудь о ней говорила?

– Совсем немного. После того, как я нашла фотографию. Они дружили.

Лорел вспомнила дату: тысяча девятьсот сорок первый.

– Во время войны?

Роуз кивнула, складывая кухонное полотенце аккуратным прямоугольником.

- Она сказала, что Вивьен была родом из Австралии.
- Из Австралии?
- Она переехала в Англию ребенком. Это все, что я знаю.
- Как они познакомились?
- Мама не рассказывала.
- Почему мы никогда с ней не встречались?
- Понятия не имею.
- Разве не странно, что мама никогда о ней не упоминала? – Лорел отхлебнула вина. –

Интересно почему...

Прозвенел таймер.

– Может быть, они поссорились и их пути разошлись. Откуда мне знать? – Роуз натянула кухонные рукавицы. – А что тебя заинтересовало?

– Да так, ничего.

– Тогда пошли есть, – сказала Роуз, вынимая форму из духовки. – Выглядит весьма аппетитно...

– Она умерла, – промолвила Лорел с внезапной убежденностью. – Вивьен умерла.

– Откуда ты знаешь?

– Это всего лишь предположение, – тут же пошла на попятную Лорел. – Шла война. Все могло случиться.

– Все когда-нибудь случается. – Роуз проткнула вилкой корочку. – Иногда даже глазурь выглядит весьма достойно. Ты готова броситься в пасть львам?

– А знаешь, – Лорел ощутила необоримое желание подняться на чердак и проверить свои предположения, – пожалуй, ты была права. Мне действительно нехорошо.

– Даже пирога не будешь?

На полпути к двери Лорел мотнула головой.

– Придется лечь пораньше. Не хочется утром встать с больной головой.

– Принести парацетамол? Горячий чай?

– Нет, спасибо. Если только...

– Что?

– Пьесу.

– Какую пьесу?

– «Питер Пэн», книжку, в которой лежала фотография. Ее можно найти?

– Порой ты бываешь такой странной, – улыбнулась Роуз. – Ладно, так и быть, принесу я тебе твою книжку. – Она кивнула в сторону пирога. – Только с этим покончим.

– Не спешите, я буду у себя. Приятного аппетита. И еще, Розы...

– Что?

– Прости, что оставляю тебя на съедение этим двум.

* * *

Во всем была виновата Австралия. Стоило Роуз упомянуть о месте, где родилась Вивьен, как в мозгу Лорел что-то щелкнуло. Она вспомнила, где впервые услышала это имя и почему оно так важно.

Пока сестры ели пирог и охотились за ножом, который им никогда не найти, Лорел перерыла чердак в поисках своего чемодана. У каждого в семье был свой собственный чемодан, в этом отношении мама была непреклонна. Это все из-за войны, однажды объяснил им папа, все, что Дороти любила, уничтожила бомба, упавшая на ее дом в Ковентри. Ей хотелось верить, что ее дети избегнут такой участи. И пусть она не могла защитить их от сердечных ран, зато знала, каждый из них найдет свои школьные фотографии в целости и сохранности. Страсть

их матери к вещам – предметам, которые можно взять в руки и наделить неким особым смыслом, – граничила с одержимостью, а перед ее любовью к собирательству было трудно устоять. Все сохранялось, ничего не выбрасывалось, традиции соблюдались почти с религиозным рвением. Взять, к примеру, тот самый нож.

Чемодан Лорел подпирали старый радиатор, который папе так и не удалось починить. На крышке по трафарету было выведено ее имя. Истертые кожаные ремни и сломанные застёжки годились только на свалку. Сердце Лорел затрепетало. Странно, что предмет, о котором она не думала пятьдесят лет, так четко возник в ее мозгу. Она помнила, как он выглядит, представляла, как возьмет его в руки, какие чувства он всколыхнет. Бледный призрак юной Лорел опустился на колени рядом с ней.

Внутри пахло сыростью и старым одеколоном, название которого Лорел успела забыть, но запах заставил ее вновь ощутить себя шестнадцатилетней. Чемодан был забит бумагами: дневники, фотографии, письма, школьные аттестаты, выкройки.

Наконец в дальнем левом углу она нашла то, что искала. Тоненькую книжицу, полную воспоминаний.

Несколько лет назад ей предложили сыграть роль Мэг в «Дне рождения». Играть предстояло в театре Литтлтон. Лорел отказалась. Единственный раз она позволила личной жизни вмешаться в свою театральную карьеру. Лорел отговорила плотным съемочным графиком, хотя причина была в другом: она не могла отрешиться от того летнего дня шестьдесят первого года, с которым была связана пьеса.

Юноша, в которого Лорел была влюблена, а теперь не помнила его имени, подарил ей эту книгу, и она читала и перечитывала ее постоянно, всякий раз заново испытывая гнев и отчаяние. А потом незнакомец вышел из-за угла дома, и все в ее жизни изменилось. Одна мысль о том, чтобы снова погрузиться в сюжетные перипетии старой драмы, причиняла Лорел физическую боль.

И теперь у нее на лбу выступил пот, а пульс участился. Они лежали там же, в целостности и сохранности, края вырезок торчали между страниц. Две статьи: путаная заметка местного корреспондента и некролог в «Таймс», тайком выданный из газеты, которую отец ее подруги привез из Лондона.

– Смотри, Лорел, – сказал он однажды, когда Лорел зашла навестить Ширли. – Статья про того несчастного, который умер рядом с вашим домом.

Из многословной статьи следовало, что незнакомец был человеком незаурядным. Задолго до того, как появиться на пороге их фермы, он познал уважение и славу. Детей он не оставил, но когда-то давным-давно был женат.

Света маленькой тусклой лампочки не хватало, чтобы разбирать строчки, поэтому Лорел захлопнула чемодан и, прихватив книжку, спустилась вниз.

Спать ей предстояло в их детской спальне (еще одно преимущество в сложной иерархии старшинства), и постель уже застелили свежим бельем. Кто-то – наверняка Роуз, больше некому – поднял наверх ее сумку, но Лорел не стала ее распаковывать, а открыла окно и улеглась на подоконнике.

Вытащив из книги некролог, она всмотрелась в газетные строчки. Знакомое имя ждало ее в третьей снизу.

Вивьен.

Лорел вернулась назад и прочла предложение с начала: «В тысяча девятьсот тридцать восьмом году Генри Дженкинс женился на мисс Вивьен Лонгмейер, родившейся в Квинсленде, Австралия, но воспитанной дядей в Оксфордшире». Ниже значилось: «Вивьен Дженкинс погибла в Ноттинг-Хилле в тысяча девятьсот сорок первом году во время авианалета».

Лорел глубоко затагнулась, пальцы дрожали.

Возможно, существовали две Вивьен, обе австралийки. Возможно, подруга ее матери времен войны не имеет отношения к той Вивьен, муж которой умер на пороге «Зеленого лога». Верилось с трудом.

Выходит, мама знала Вивьен Дженкинс, а значит, и Генри Дженкинса.

«Привет, Дороти. Давненько не виделись», – промолвил он, и в глазах матери вспыхнул ужас.

Дверь открылась, вошла Роуз.

– Как ты? – спросила сестра, поморщившись от запаха табака.

– Это в лечебных целях. Только маме не говори. Терпеть не могу оправдываться.

– Не бойся, я не подведу. – Роуз подошла ближе и протянула Лорел маленькую книжку. – Смотри, какая потрепанная.

«Потрепанная» было мягко сказано. Лицевая обложка держалась на честном слове, зеленая ткань под ней почернела и пахла горелым. Лорел аккуратно перевернула страницу. На титульном листе было написано черным: «Дороти. Истинный друг – свет в ночи. Вивьен».

– Наверное, эта книжка была для нее важна, – заметила Роуз. – Она не стояла на полке вместе с остальными, а лежала в чемодане. Мама хранила ее там все эти годы.

– Ты заглядывала в ее чемодан?

У мамы были очень строгие понятия относительно неприкосновенности личной жизни.

Роуз вспыхнула:

– И нечего так на меня смотреть, Лол. Я не взламывала замок пилкой для ногтей. Она попросила меня принести книжку месяца два назад, прямо перед тем, как ее забрали в больницу.

– Она дала тебе ключ?

– Неохотно. Только после того, как я застучала ее на лестнице. Собиралась сама влезть на чердак.

– Не может быть!

– И тем не менее.

– Мама неисправима.

– Ты такая же, Лол.

Роуз не имела в виду ничего плохого, но Лорел вздрогнула. Она вспомнила вечер, когда сказала родителям, что покидает родной дом. Их огорчило, что она втайне от всех ездила на прослушивание, они считали, что ей рано начинать самостоятельную жизнь, волновались, что Лорел не получит аттестат. Тогда за кухонным столом родители по очереди выдвигали возражения; Лорел слушала со скучающим видом, а когда они закончили, с пылом обиженного подростка выпалила:

– А я все равно уеду! Что бы вы ни говорили, я своего решения не изменю. Я этого хочу!

– Ты слишком молода, чтобы понимать, чего ты хочешь, – возразила мама. – Люди меняются, взрослеют, принимают более взвешенные решения. Я тебя знаю, Лорел...

– Нет, не знаешь!

– Я знаю твоё упрямство. Знаю, что ты считаешь себя особенной, что тебя одолевают мечты. Ты так похожа на меня...

– Ничего подобного! Я ни капельки на тебя не похожа! – Слова Лорел больно ранили и без того расстроенную Дороти. – Я никогда не делала того, что сделала ты.

– Довольно! – Стивен Николсон обнял жену за плечи, давая понять дочери, что ей пора наверх, но разговор не окончен.

Ночью Лорел беспокойно металась в постели. Она понятия не имела, где сестры, – наверное, их специально держат от нее подальше. Лорел впервые открыто выступила против родительской воли, она гордилась собой и одновременно себя стыдилась. У нее было чувство, что прежней жизни уже не вернуть.

Неожиданно дверь открылась, и в спальню кто-то вошел. Постель прогнулась под весом тела, и Лорел услышала мамин голос. Мама плакала. Лорел захотелось упасть ей на грудь и никуда не уезжать.

– Мне очень жалко, что мы поссорились, – сказала Дороти, и луч лунного света из окна упал на ее лицо. – Как мы дошли до такого! Могла ли я представить, что когда-нибудь буду ругаться с собственной дочерью. В юности я думала, что непохожа на родителей. Я любила их, но мне казалось, они меня не понимают. Считала, что я лучше их знаю, как мне жить, и не прислушивалась к советам.

Лорел улыбнулась, не догадываясь, куда клонит мама, но, по крайней мере, внутри у нее уже не бушевала огненная лава.

– Мы с тобой так похожи, – продолжила Дороти. – Я боюсь, что ты повторишь мои ошибки.

– Но это не ошибка! – Лорел села на кровати. – Неужели ты не понимаешь? Я хочу стать актрисой, и для этого нет лучшего места, чем Лондонская драматическая школа!

– Лорел...

– Вообрази, что тебе семнадцать, мам, и впереди у тебя целая жизнь. Неужели тебе не захотелось бы все бросить и укатить в Лондон?

Вопрос был явно не по адресу – Дороти никогда не выказывала ни малейшего желания съездить в Лондон.

В комнате стало тихо, черный дрозд за окном звал подругу.

– Нет, – промолвила Дороти мягко и печально, глядя дочь по волосам. – Нет, никогда.

Только сейчас Лорел пришло в голову, что в ту далекую ночь она была так поглощена собственной драмой, что не спросила маму, какой она была в семнадцать лет, чего хотела, от каких ошибок предостерегала дочь.

Лорел взяла книжку, которую принесла Роуз, и нетвердым голосом промолвила:

– Как странно держать в руках то, что принадлежало ей до всего.

– До чего?

– До нас. До этого дома. До того, как она стала нашей матерью. Только представь, когда ей подарили эту книгу, когда был сделан тот снимок с Вивьен, она не подозревала, что когда-нибудь мы появимся на свет.

– А на снимке она сияет.

Лорел не улыбнулась.

– Ты когда-нибудь думала о ней, Роза?

– О маме? Разумеется.

– Нет, о ней, когда она еще не стала нашей мамой. Мы ведь ничего не знаем о том, как она жила до нас. Ты когда-нибудь задумывалась, чего она хотела, как смотрела на мир, – тут Лорел украдкой посмотрела на сестру, – какие тайны хранила?

Роуз неуверенно улыбнулась, и Лорел покачала головой.

– Не обращай внимания. Что-то я расчувствовалась сегодня. Это все старый дом, старая спальня. – Ей хотелось сгладить впечатление от своих опрометчивых слов. – Помнишь, как Айрис храпела?

– Громче, чем папа! – рассмеялась Роуз. – Сомневаюсь, что с годами она стала храпеть тише.

– Скоро выясним. Ты уже ложишься?

– Хотела принять ванну, пока остальные сидят за столом. – Роуз понизила голос и пальцами оттянула кожу на висках. – Как думаешь, Дафна...

– Я бы не удивилась.

Роуз нахмурилась.

– Придет же такое в голову, – покачала головой сестра.

Когда за Роуз закрылась дверь, улыбка сползла с лица Лорел. Она отвернулась к окну и выглянула наружу. За стеной щелкнул замок, вода зашумела в трубах.

«Пятьдесят лет назад, – сказала Лорел далеким звездам, – моя мать убила человека. Она называла это самообороной, но я была там и все видела. Она подняла руку и ударила того человека ножом, и он упал на землю, на вытопанную траву и цветущие фиалки. Моя мать знала его, она была напугана, и я до сих пор не знаю почему».

В голову пришла неожиданная мысль: возможно, причина всех ее горестей и потерь, всех ночных кошмаров и приступов меланхолии кроется в том летнем дне? В тайне ее матери, которая все эти пятьдесят лет оставалась нераскрытой?

– Кто ты, Дороти? – произнесла Лорел шепотом. – Кем ты была до того, как стала нашей мамой?

7

Поезд Ковентри–Лондон, 1938 год

В семнадцать Дороти Смитэм окончательно уверилась, что ребенком ее похитили. Это было ясно как день. Дороти озарило в субботу, около одиннадцати утра, при виде отца, когда тот, покрутив карандаш между пальцами и облизав верхнюю губу, аккуратно занес в карманный grossбух цену поездки на такси до вокзала (три шиллинга пять пенсов за четверых плюс три шиллинга за багаж). Составлению списка расходов отец будет предаваться почти все время в Борнмуте, а по возвращении в Ковентри семью ждет увлекательный вечерок. Длиннющие фолианты, неизбежные сравнения с прошлыми поездками (хорошо, если дело ограничится последним десятилетием), призывы в следующий раз вести себя экономнее, прежде чем, взбодренный заслуженным отдыхом, отец вернется в кресло бухгалтера на фабрике по производству велосипедов Х. Д. Уолкера и, засучив рукава, примется за работу.

Мать Долли сидела в углу купе, украдкой прикладывая к ноздрям носовой платок и больше всего на свете боясь побеспокоить мужа с его подсчетами. И как только Дженис Смитэм всякий раз умудрялась простыть прямо перед ежегодной летней поездкой к морю! Такое постоянство порадовало бы Долли, если бы не робкие виноватые звуки, издаваемые матерью в платок, – засунуть бы в уши отцовский карандаш, лишь бы их не слышать! Следующие две недели Дженис будет хлопотать над мужем, как насадка, пилить Дороти за слишком откровенный вырез купальника и следить, чтобы Катберт водился только с мальчиками из хороших семей.

Бедный Катберт. Милый веселый малыш, всегда готовый расплыться в улыбке или, напротив, удариться в слезы, стоило Долли выйти из комнаты. Впрочем, с годами ему предстояло стать двойником мистера Артура Смитэма. А это означало, что, как бы ни были близки Катберт и Долли, едва ли они родные по крови, а следовательно, вопрос открыт: кто ее настоящие родители и как ее занесло в эту семейку?

Циркачи? Знаменитые канатоходцы? Почему бы нет. Долли посмотрела на свои длинные и стройные ноги. Она была весьма спортивной девушкой: учитель физкультуры мистер Энтони каждый год отбирал ее в первый состав школьной хоккейной команды. А когда они с Кейтлин откатывали ковер к стене и ставили в патефон пластинку Луи Армстронга, не приходилось сомневаться, кто из них двоих танцует лучше. Истинную грацию – Долли скрестила ноги и пригладила юбку – не скроешь.

- Папа, а мы купим конфет?
- Конфет?
- На станции, в том маленьком магазине.
- Вряд ли, Катберт.
- Ну папа...
- Нам следует помнить об экономии.
- Ну мама, ты же обещала...
- Ну-ну, Катберт, перестань. Папе лучше знать.

Долли отвернулась к окну, за которыми пролетали поля. Циркачи, как пить дать, циркачи.

Платье с блестками, ночи под куполом цирка, опустевшего, но еще помнящего крики восхищенной толпы. Блеск, волнение, романтика.

Возмущение родителей, когда Долли, по их мнению, привлекала внимание посторонних, также свидетельствовало в пользу гипотезы о циркачах.

– Что скажут люди, Дороти, – шипела мама, когда дочь надевала слишком короткую юбку, смеялась слишком громко или красила губы слишком ярко. – Ты привлекаешь внимание. Ты же знаешь, папа этого не одобряет.

Долли знала. Как любил повторять Артур Смитэм, яблоко от яблони недалеко падает. Должно быть, он вечно жил в страхе, что рано или поздно цыганская бродяжья кровь дочери даст о себе знать.

Долли сунула в рот мятный леденец, языком прижала его к щеке и уткнулась лбом в стекло. С самым похищением дело обстояло еще загадочнее. Интересно, как они это провернули. Артур и Дженис Смитэм меньше всего на свете походили на грабителей. Вообразить, как они подкрадываются к оставленной без внимания детской коляске и выхватывают из нее спящего младенца, было крайне затруднительно. Людьми, решившимися на кражу, движет алчность или нужда, они относятся к предмету, который предстоит украсть, с подлинной страстью. По мнению Артура Смитэма, слово «страсть» следовало вымарать из английского языка, если не из английской души. Сходить в цирк? Еще чего. Пустая забава, он найдет своим деньгам лучшее применение.

Гораздо вероятнее – леденец разломился надвое – малышку Долли нашли на пороге, и ее приемными родителями двигала не страсть, а чувство долга.

Она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Тайная беременность, гнев инспектора манежа, поезд с циркачами прибывает в Ковентри. Какое-то время юные влюбленные пытаются свести концы с концами, но скоро деньги заканчиваются, работы нет (умение ходить по канату – не слишком ходовой товар на рынке труда), и ими овладевает отчаяние. Они бредут по городу, младенец от слабости даже не хнычет, и тут их внимание привлекает один из домов: свет льется изнутри, ступени чище и опрятнее, чем у соседей, густой аромат тушеной говядины, фирменного блюда Дженис Смитэм, щекочет ноздри. Им ничего не остается...

– Но я не могу больше терпеть!

Долли приоткрыла один глаз. Брат прыгал на одной ноге посреди купе.

– Уймись, Катберт, мы почти приехали...

– А я хочу писать сейчас!

Долли зажмурилась крепче прежнего. Так и есть – не трагическая история молодых циркачей, по-настоящему в нее она не верила, – но ее особенность, ее непохожесть. Долли всегда чувствовала себя не такой, как все, более живой, чем остальные люди, и верила, что ее ждет иной, высокий удел. Это не пустые слова, у нее есть доказательства.

Так говорил отец Кейтлин, а он доктор и разбирается в подобных вещах. Они играли в Блотто⁶, доктор предъявлял одну карточку с чернильными кляксами за другой, Долли не отставала, называя первое, что придет в голову.

– Потрясающе, – пробормотал отец Кейтлин на середине игры, не вынимая трубки из рта. – Удивительно! – воскликнул он, качая головой. – Вот это да!

Доктор Руфус оказался куда симпатичнее, чем положено отцу подруги. Только кислая мина Кейтлин остановила Долли, готовую последовать за доктором в его кабинет, когда тот объявил ее варианты незаурядными и требующими дальнейшего изучения.

Незаурядными. Долли повторила про себя это слово. Ей не по пути с заурядными Смитэмами, она не собирается становиться такой, как они. Ее жизнь будет яркой и насыщенной событиями. Она не намерена держаться в рамках приличий. Вот возьмет и удерет с бродячим цирком.

При подъезде к станции Юстон поезд замедлил ход. В окне теснились дома, и у Долли перехватило дыхание. Лондон! Бурлящий водоворот большого города (как писали в путеводи-

⁶ *Блотто* – игра на основе теста Роршаха: участники рисуют на бумаге замысловатые узоры, а потом по очереди рассказывают, что они им напоминают.

теле «Уорд Лок энд К^о», который она прятала в комод, между панталонами), театры, ночные развлечения, бурная жизнь знаменитостей.

Когда Долли была ребенком, отец иногда брал работу в Лондоне. Вечером она тайком ждала его возвращения, прячась за перилами лестницы. Ключ скрипел в замке, Долли замирала, и вот появлялся отец, излучая ауру причастности к чему-то важному и значительному. Долли не осмеливалась расспрашивать его о поездках, словно втайне догадывалась, что правда окажется куда банальнее ее фантазий. И теперь она смотрела на отца в надежде поймать ответный взгляд и удостовериться, что его тоже охватило радостное возбуждение от близости великого города.

Ничего подобного. Артур Смитэм не отрывал глаз от записной книжки, на сей раз от последней страницы, куда тщательно перенес расписание поездов и номера платформ. Уголки его губ дергались. Не имело значения, что времени больше, чем нужно, что их маршрут не менялся много лет и что подобные нехитрые трюки с пересадками люди совершают каждый день. Сейчас раздается – Долли заранее сжалась – боевой клич.

– Всем оставаться на местах, пока я буду искать такси. – Отважная попытка командира сохранить спокойствие в рядах войска перед лицом надвигающегося сражения.

Артур Смитэм снял шляпу с вешалки.

– Катберт, дай руку, – заволновалась мать.

– А если я не хочу...

– Каждый отвечает за вверенный ему багаж, – продолжил отец с воодушевлением. – Ракетки и клюшки из рук не выпускать. Избегать хромых и увечных. Никто не должен замедлить наше продвижение.

Хорошо одетый мужчина, деливший с ними купе, покосился на оратора, и Долли захотелось – уже не в первый раз – провалиться сквозь землю от стыда.

* * *

По незыблемой, освященной годами традиции поездок к морю семейство Смитэм отправлялось на пляж сразу после завтрака. Отец никогда не арендовал купальни, считая их неуместным и хвастливым расточительством, поэтому прибыть на место отдыха следовало раньше толпы отдыхающих. Однако в то утро миссис Дженингс задержала их в столовой пансиона «Бельвью», дольше обычного провозившись с чаем. С каждой минутой отец становился раздражительнее, его белые парусиновые туфли взывали к нему, несмотря на пластырь, который после вчерашних испытаний пришлось наклеить на стертые пятки. Однако перебивать хозяйку было невежливо, а Артур Смитэм никогда не позволял себе быть невежливым. В конце концов их выручил Катберт. Мальчик посмотрел на часы, висевшие над картиной, изображавшей морской причал, проглотил целиком яйцо пашот и заявил:

– Ну и ну! Почти десять!

Спорить с этим утверждением не могла бы даже миссис Дженингс. Она отступила в кухню, заметив напоследок:

– А погодка-то в самый раз для пляжа!

Денек и впрямь выдался на славу, один из тех летних дней, когда небо сияет синевой и за каждым поворотом ждут чудеса и открытия. Автобус прибыл на променады одновременно с ними, и мистер Смитэм погнал семейство вперед, надеясь опередить орду отдыхающих. С высокомерием курортников, которые заказали пансион в феврале и оплатили в марте, мистер и миссис Смитэм рассматривали толпу любителей отдыха выходного дня. Самозванцы и самозванки, оккупировавшие их пляж, запрудившие их причал и создающие очередь к их лоткам с мороженым.

Долли плелась на расстоянии от войска, возглавляемого бесстрашным командиром, который срезал путь, обогнув эстраду. С победным видом преодолев ступени, они заняли плацдарм прямо под каменной стеной. Отец поставил на землю корзину для пикника и, засунув пальцы за ремень брюк, принялся осматривать окрестности. Заключив, что место «что надо», он самодовольно добавил:

– И не более ста шагов от дома. Не более ста шагов.

Выдавив кривую улыбку, Долли занялась полотенцем. Разумеется, с пляжа пансион «Бельвью» не просматривался. Вопреки названию (неожиданно жизнерадостному для суровой миссис Дженингс, которая в юности провела «дивный» месяц в Париже) здание стояло на середине Литтл-Коллинз-стрит, пролежавшей вдали от променада. Вид из окон определенно не мог называться прекрасным: серые стены спереди и водосточные трубы сзади, – но поскольку и сам дом ничуть не походил на французский, Долли не видела смысла роптать. Вместо этого она натерла плечи кольдкремом «Пондс» и углубилась в журнал, украдкой бросая взгляды на балконы купален, где проводила время публика побогаче.

* * *

Из толпы особенно выделялась одна девушка. У нее были светлые волосы, загорелая кожа и славные ямочки на щеках, которые появлялись, когда она смеялась, а смеялась девушка часто. Долли не могла отвести от нее глаз. Ее завораживала кошачья грация, с которой двигалась незнакомка, касаясь руки то одного, то другого собеседника; высокие скулы, тихая улыбка, приберегаемая для избранных друзей; свет, исходивший от ее серебристого атласного платья, раздуваемого летним бризом. Бризом. Даже природа была против Долли. Пока она поджаривалась посреди лагеря, разбитого семейством Смитэм, – капли пота скопились на лбу, купальник прилип к телу, – серебристое платье издевательски трепетало на ветру.

– Кто будет в крикет?

Долли не отводила взгляда от журнала.

– Я! Я буду! – Катберт принялся скакать то на одной, то на другой ноге (уже успевших обгореть). – Я буду подавать, пап! Ну пожалуйста, пап, ну можно я?

Тень отца на миг заслонила от нее палящее солнце.

– Дороти, а ты что же?

Перед глазами Дороти промелькнула бита, округлость отцовского торса, ошметки яичницы-глазуньи, приставшей к усам, а перед мысленным взором стояла прекрасная смеющаяся девушка в серебристом платье, флиртующая с друзьями без присмотра родителей.

– В следующий раз, пап, – промолвила она тихо. – Голова болит.

Головная боль относилась к категории женских штучек, и мистер Смитэм недовольно поджал губы.

– Тогда отдохни, – кивнул он, медленно удаляясь.

– Пап, ну где ты там? – позвал Катберт. – Боб Уайетт уже на поле. Покажи ему класс!

Разве можно устоять перед таким призывом? Повернувшись на каблуках, отец, словно был стройнее и моложе, чем на самом деле, бодрой походкой зашагал по пляжу с битой на плече.

Игра началась, и Долли еще сильнее вжалась в стену. Спортивное мастерство Артура Смитэма тоже было частью семейного предания, а обязательная игра в крикет во время летнего отдыха – традицией, освященной временем.

В глубине души Долли себя ненавидела – возможно, это был ее последний отдых с семьей, – но не могла стряхнуть раздражение. С каждым днем пропасть между ней и ее родными расширялась. Она не переставала любить их, однако в последнее время родители, а порой

даже Катберт, выводили ее из себя. Долли всегда ощущала себя особенной, не такой, как все, а с недавних пор отношения между ней и родителями окончательно испортились.

Как-то за обедом отец завел разговор о том, чем она будет заниматься после окончания школы. В сентябре на велосипедной фабрике освободится вакансия секретарши, и после тридцати лет безупречной службы он надеется, что его влияния хватит, чтобы место получила Долли. Говоря про влияние, отец улыбался и подмигивал, словно делал дочери большое одолжение и теперь она должна испытывать к нему искреннюю благодарность, а Долли хотелось выть, словно героине фильма ужасов. Ничего страшнее и придумать нельзя! В голове не укладывалось, что Артур Смитэм, ее отец, за семнадцать лет так и не удосужился понять собственную дочь.

С пляжа донесся крик: «Шесть!» – и поверх журнала Долли бросила взгляд на отца, который закинул биту на плечо, словно ружье, и затрусил к импровизированной калитке. Рядом с ней Дженис Смитэм излучала искренний интерес, время от времени издавая негромкие возгласы: «Вот так удар!», перемежаемые вскриками: «Осторожно!», «Не так быстро!» и «Дыши, Катберт, помни о своей астме». Долли рассматривала ее аккуратный перманент, целомудренный крой купального костюма, отмечала ее манеру вести себя так, словно она боится лишний раз о себе напомнить. Непонимание, которое демонстрировала мать, раздражало Долли больше всего.

Когда Долли поняла, что отец не шутил насчет места секретарши, она еще надеялась на заступничество Дженис. Пусть порой Долли воображала себя подменным, но в глубине души знала, что это не так. Увидев мать и дочь рядом, никто бы не усомнился в их родстве. У Дженис и Дороти Смитэм были волосы шоколадно-коричневого цвета, высокие скулы и пышная грудь. И как узнала Долли недавно, они с матерью были похожи не только внешне.

Однажды, роясь в гараже в поисках ключики, Долли обнаружила на самой верхней полке зеленоватую коробку из-под обуви. Коробка показалась ей смутно знакомой, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить: мать сидит на краю кровати в спальне, на коленях та самая коробка, на лице странная задумчивость. Долли сразу поняла, что не стоит докучать матери в такую минуту, но впоследствии часто спрашивала себя, что означал этот мечтательный, растерянный вид, заставлявший Дженис выглядеть и старше, и моложе одновременно.

В тот день в гараже Долли подняла крышку коробки – и тайное стало явным. Коробку заполняли обрывки другой жизни: программки музыкальных вечеров, синие наградные ленты победительницы конкурса молодых непрофессиональных певцов, дипломы на имя Дженис Уильямс. Была даже газетная вырезка с портретом юной девушки: у нее была точеная фигурка и сияющие глаза, и она явно не собиралась по примеру одноклассниц прожить тусклую, предсказуемую жизнь.

Однако вышло именно так. Долли пристально всматривалась в девушку на фотографии. Некогда ее мать обладала талантом – настоящим природным даром, делавшим ее особенной, не такой, как все. Однако за семнадцать лет Долли ни разу не слышала, чтобы мать пела. Что могло заставить замолчать женщину, некогда сказавшую: «Я люблю петь больше всего на свете. Когда я пою, мне кажется, я отрываюсь от земли и лечу. Моя мечта – однажды выступить перед королем».

Долли казалось, она знает ответ.

– Держи спину ровнее, Катберт, – раздался голос отца. – Не сутулься.

Артур Смитэм: бухгалтер по призванию, один из столпов велосипедной фабрики, поборник всего, что хорошо и прилично. Враг всего незаурядного и необычного.

Долли вздохнула, наблюдая, как отец изгибается, подавая Катберту мяч. Артуру Смитэму удалось подавить все, что делало особенной ее мать, но ему не удастся проделать то же самое с Долли. Она ему не позволит.

– Мама, – промолвила она, опуская журнал.

– Что, дорогая? Хочешь сэндвич с креветочной пастой?

Долли набрала воздуха в легкие. Она и представить себе не могла, что когда-нибудь решится сказать матери правду, но отступить было поздно.

– Мама, я не хочу работать на велосипедной фабрике.

– Не хочешь?

– Да.

– Понятно.

– Каждый день делать одно и то же – это не по мне. Печатать бесконечные письма, где будет все про велосипеды, поставки, и ужасные «искренне Ваш».

По лицу матери было трудно прочесть, о чем она думает.

– Ясно.

– Вот так.

– А чем ты хочешь заниматься?

Долли не знала ответа. Ничего определенного, просто она была уверена, что судьба приготовила для нее нечто особенное.

– Не знаю. Я просто... Велосипедная фабрика – не место для такой, как я.

– Но почему?

Долли не хотелось отвечать. Она была уверена, что мама не станет приставать с расспросами. Она пыталась найти правильные слова, чувствуя, как на смену надежде приходит разочарование.

– Пришло время взяться за ум, Дороти, – сказала мать мягко. – Ты уже почти взрослая.

– Да, но...

– Пора забыть детские фантазии. Он хотел сказать сам, сделать сюрприз, но, раз уж так вышло, я открою тебе тайну: отец уже договорился с миссис Левин о встрече.

– Что?

– Я не должна была признаваться, но тебя ждут в первую неделю сентября. Тебе повезло, что твой отец – человек со связями.

– Но я...

– Папе лучше знать. – Дженис потянулась, намереваясь похлопать дочь по ноге, потом передумала. – Вот увидишь.

За фальшивой улыбкой Дженис прятался страх, словно она понимала, что в каком-то смысле предаст дочь, но не желала об этом задумываться.

Долли вскипела. Ей захотелось встряхнуть мать, напомнить ей, что когда-то и она была особенной, не такой, как все. Пусть расскажет, почему она изменилась (хотя Долли и сознавала, что просить об этом жестоко). Ибо ее дочь напугана и больше всего на свете боится стать такой же, как мать.

– Осторожнее!

Крик, донесшийся с берега, отвлек внимание Долли и спас Дженис Смитэм от неприятного разговора.

У кромки воды, в купальнике прямо со страниц журнала «Вог», стояла она, девушка в серебристом платье, и, поджав губки, терла ушибленную руку. Вокруг, охая и причитая, сгрудились ее прекрасные спутники, и Долли наконец поняла, что случилось. Юноша примерно ее лет нагнулся и поднял с песка – Долли в ужасе зажала рот рукой – крикетный мяч.

– Простите, молодежь, – извинился отец.

Глаза Долли расширились: что, черт возьми, он собирается делать? Хорошо хоть ему хватает ума оставаться на месте. Но нет – щеки Долли вспыхнули, – отец направился прямо к ним! Долли хотелось сгнуться, провалиться сквозь землю со стыда. Подойдя к компании, отец остановился, виновато пожал плечами, мимически изобразил замах. Молодые люди закивали,

юноша с мячом в руке что-то сказал отцу, девушка дотронулась до своей руки и улыбнулась, показав Артуру Смитэму все свои ямочки. Долли выдохнула, – кажется, пронесло.

Однако отец, вероятно зачарованный светским лоском своих новых знакомых, вместо того чтобы поспешно ретироваться, обернулся и махнул рукой в сторону Долли и ее матери. Дженис Смитэм засуетилась (заставив дочь поморщиться с досады), привстала, снова села, замерла в неудобной позе и помахала рукой.

Долли совсем приуныла. Ничего хуже нельзя было даже вообразить.

Впрочем, тут она ошибалась.

– Смотрите! Смотрите, что я могу!

Зрителям пришлось последовать призыву. Катберт, привыкший быть в центре внимания, решил напомнить о себе. Забыв про крикет, малыш нашел новую забаву, попытавшись взобраться на спину ослику, бродившему по пляжу. Зрелище было жалким, но Долли пришлось смотреть. Увы – она украдкой огляделась, – как и всем остальным.

Выходка Катберта оказалась последней соломинкой. Вероятно, ей следовало помочь брату, но это было выше ее сил. Буркнув про больную голову, Долли захлопнула журнал и бросилась вон с пляжа, в укрытие крохотной темной комнатки с видом на соседские водостоки.

* * *

Молодой человек с нестриженной шевелюрой и в неряшливом костюме наблюдал за сценкой на пляже из-за эстрады. Казалось, он мирно дремал, сдвинув на глаза шляпу, но крик разбудил его. Он протер глаза и в поисках источника шума оглядел местность. Им оказались отец с сыном, все утро игравшие в крикет.

Поднялась суета, отец помахал рукой компании молодых богачей, ранее коротающих время в купальном домике на мелководье. Теперь домик опустел, только трепетало на ветру серебристое платье на перилах балкона. Молодой человек успел заметить его раньше, оно просто бросалось в глаза. Такому платью было место не на пляже, а на балу.

– Смотрите! Смотрите, как я могу! – снова раздался крик.

Молодой человек послушно перевел глаза. Парнишка, до сей поры прилежно игравший в крикет, принялся потешать публику, взявшись за ослика. Толпа радостно внимала новому развлечению.

Все, кроме него. У него были дела поважнее. Девушка с розовыми губками и прелестными округлостями, заставлявшими его сердце биться чаще, оказалась предоставлена сама себе. Она встала с кресла и направилась в сторону променада. Молодой человек закинул за плечи рюкзак и натянул на лоб шляпу. Теперь-то он не упустит своего шанса.

8

Борнмут, 1938 год

Долли заметила его не сразу. Поначалу она не видела ничего сквозь пелену обжигающих слез. Горячий песок, чайки и отвратительные ухмыляющиеся лица слились в дрожащее марево. Долли понимала, смеются не над ней, но это не имело ровно никакого значения. Их веселье было персональным оскорблением. Долли не место на фабрике, неужели они не понимают? Что ее ждет впереди? Выйдет замуж за отцовского двойника, только моложе, и мало-помалу станет копией матери. Родители не роптали на судьбу, однако Долли хотелось большего... Просто она еще не знала, чего именно.

Она резко остановилась. Сильный порыв ветра, словно дождавшись Долли, сорвал атласное платье с перил и швырнул на песок к ее ногам. Но почему – Долли задохнулась от возмущения, – почему симпатичная блондинка с ямочками на щеках не позаботилась приколоть платье к перилам? Как можно не ценить такую роскошную вещь? Долли покачала головой: эта растяпа недостойна владеть шедевром портновского искусства! Платья, подобные этому, носят принцессы, кинозвезды, манекенщицы и богатые наследницы, проживающие на Французской Ривьере. И если Долли не поторопится, платье будет непоправимо испорчено.

Новый порыв ветра – и платье заскользило по песку, исчезнув за стеной купальни. Долли бросилась за ним: пусть та девушка сгруппируется, Долли не собирается повторять ее ошибку, и не даст шикарному платью пропасть.

Только вообразите, как обрадуется девушка с ямочками, когда Долли вернет ей ее собственность! Долли объяснит, что случилось, – осторожно, щадя ее чувства, – а потом они примутся увлеченно беседовать, и девушка предложит гостю стакан холодного лимонада, настоящего, не того водянистого пойла, которое подает миссис Дженингс. Они сразу поймут, сколько у них общего, а когда солнце сядет и Долли придет время уходить, новая подруга не захочет ее отпускать и скажет, положив руку ей на локоть: «Приходите завтра утром. Мы собираемся поиграть в теннис на пляже. Будет весело!»

Преследуя серебристую добычу, Долли обогнула угол купальни, но было поздно: ветер швырнул платье к ногам незнакомца в шляпе. Тот наклонился, его пальцы коснулись ткани, и песчинки скользнули с атласа вместе с Доллиными надеждами.

В первое мгновение Долли была готова разорвать незнакомца на части! Сердце стучало как бешеное. Она обернулась: отец с каменным выражением лица направлялся к бедняге Катберту, мать застыла в виноватой позе, а приятели девушки с ямочками на щеках согнулись от смеха, стуча ладонями по коленкам.

Происходящее на пляже – ослику все-таки удалось сбросить юного шалопая – так захватило Долли, что, не сознавая, к кому обращается, она крикнула:

– Эй, ты...

Незнакомец явно собирался похитить платье, и теперь только Долли могла ему помешать.

– Что ты задумал?

Мужчина поднял лицо, и от неожиданности Долли задохнулась, но не успели его губы расплыться в улыбке, а она уже овладела собой.

– Я спрашиваю, – взволнованно спросила Долли, – что ты задумал? Это платье не твое.

Мужчина в шляпе открыл было рот, и тут перед ними вырос констебль Саклинг, который совершал обход пляжа.

* * *

Констебль Бэзил Саклинг патрулировал пляж все утро. Темноволосая девушка сразу привлекла его внимание, и с тех пор констебль не сводил с нее глаз, отвлекшись только на ослика и его незадачливого седока, а когда снова взглянул в сторону девушки, ее и след простыл. Несколько тревожных минут констебль искал ее глазами, прежде чем обнаружил за углом купальни. Девушка подозрительно горячо беседовала с каким-то оборванцем, который все утро торчал за эстрадой, надвинув шляпу на лоб.

Сжав дубинку на поясе, констебль устремился через пляж. Ноги вязли в песке, выходило не слишком изящно, но он старался как мог. «Это платье не твое», – услышал констебль, оказавшись рядом с купальней.

– Все в порядке? – спросил Бэзил Саклинг, втягивая живот.

Вблизи девушка оказалась еще краше, чем издали. Губки бантиком, кожа нежная, словно персик, гладкие пряди обрамляют лицо в форме сердечка.

– Этот малый к вам пристаёт, мисс? – добавил констебль.

– Ах нет, сэр, ничего подобного! – воскликнула красотка, и ее щеки очаровательно вспыхнули. Еще бы, не каждый день встретишь бравого мужчину в форме. А девушка и впрямь очень мила.

– Этот джентльмен собирался вернуть мне одну вещь.

– Так и было? – нахмурился констебль, изучая высокие скулы и дерзкие черные глаза оборванца. Эти глаза придавали наглецу вид чужака, определенно ирландский вид, и констебль сузил зрачки. Молодой человек развязно переступил с ноги на ногу, издав тихий печальный вздох, который окончательно вывел констебля из себя.

– Так и было? – повторил он тверже.

Ответа снова не последовало. Рука констебля вцепилась в верную дубинку на поясе, пальцы покалывало от приятных воспоминаний, и он почти расстроился, когда нахал, вероятно смекнув, что шутки кончились, кивнул.

– Хорошо, – сказал констебль. – Так не тяни, верни леди ее вещь.

– Спасибо, констебль, вы так добры, – улыбнулась девушка, и от ее улыбки констебль ощутил в брюках приятное шевеление. – Видите ли, платье унес ветер.

Констебль прочистил горло и, придав лицу самое важное выражение, произнес:

– В таком случае, мисс, не позволите ли проводить вас до дому? Подальше от ветра и прочих напастей.

* * *

У дверей «Бельвью» Долли не без труда избавилась от назойливых любезностей констебля Саклинга. Вышло не слишком гладко – слуга закона рвался войти внутрь и успокоить нервы чашкой чая, – однако Долли удалось убедить констебля, что без его неусыпного надзора жителей Борнмута ждут неисчислимые беды.

– Не забывайте, констебль, сколько граждан нуждается в вашей защите!

Сердечно простившись с констеблем, Долли нарочито громко хлопнула дверью, но осталась у порога, наблюдая в щелочку, как он важно удаляется в сторону променада. И только когда констебль почти скрылся из виду, Долли бросилась к себе, сунула серебристое платье под подушку и выскочила за порог.

Молодой человек ждал ее, подпирая спиной колонну живописного пансиона. Не моргнув глазом, Долли важно прошествовала мимо. Он следовал за ней по дороге – Долли спиной ощущала его присутствие, – затем свернул в узкую аллею, уходившую в сторону от пляжа. Ее

сердце колотилось словно бешеное, и, когда шум пляжа стих, она услышала его стук. Долли ускорила шаг. Парусиновые туфельки шелестели по бетону, дыхание сбилось, но Долли упрямо шла вперед. Она узнала это место – темный переулок, где однажды заблудилась маленькой.

На перекрестке Долли остановилась, но так и не оглянулась. Она молча стояла, слушая, как он приближается, и вот он уже рядом, его дыхание на ее шее, а его близость опаляет кожу жаром.

Мужчина коснулся ее руки, и Долли судорожно вдохнула. Она позволила ему осторожно развернуть себя, и, когда он взял ее ладонь и потерся губами о нежную кожу, ее пронзила радостная дрожь.

– Что ты здесь делаешь? – шепотом спросила Долли.

Он не отнимал губ от ее запястья.

– Я скучал по тебе.

– Меня не было всего три дня.

Он пожал плечами, и непослушная прядь черных волос упала на лоб.

– Ты приехал на поезде?

Он медленно кивнул.

– На один день?

Еще один кивок, слабая улыбка.

– Джимми, в такую-то даль!

– Я должен был тебя увидеть.

– А если бы я проторчала на пляже весь день? Если бы вернулась вечером вместе с родителями?

– Я все равно бы тебя увидел.

Польщенная, но не желающая в этом признаваться, Долли покачала головой.

– Отец убьет тебя, если узнает.

– Придется его очаровать.

Долли расхохоталась. Джимми всегда удавалось ее рассмешить.

– Ты сошел с ума.

– Из-за тебя.

Он без ума от нее. Внутри у Долли все перевернулось.

– Пошли, – сказала она. – Здесь тропинка, в поле нас никто не увидит.

* * *

– Надеюсь, ты понимаешь, что мой арест был бы на твоей совести.

– Не глупи, Джимми!

– Судя по физиономии того полицейского, ему не терпелось засадить меня под замок, а ключ выбросить в море. Я уже не говорю о том, как он на тебя смотрел.

Джимми повернулся к ней, но Долли на него не смотрела. Они лежали в мягкой высокой траве. Долли уставилась в небо, бубня танцевальную песенку и складывая фигуры из пальцев. Джимми обвел взглядом ее профиль: мягкую выпуклость лба, ложбинку, ведущую к точеному носу, пухлую верхнюю губу. Господи, как она хороша! Тело ломило от желания, и Джимми стоило больших усилий не поддаться порыву. Больше всего на свете ему хотелось отвести руки Долли за голову и впиться в губы жарким поцелуем.

Он сдержался, он всегда сдерживался. Даже когда желание переполняло его, Джимми помнил, что Долли еще школьница, а он взрослый мужчина, ей всего семнадцать, а ему уже девятнадцать. Два года не слишком много, но они принадлежали к разным мирам. Она жила в славном милом домике вместе со своей славной милой семьей, а ему пришлось бросить школу в тринадцать и после браться за любую грязную работу, лишь бы свести концы с концами.

Джимми намыливал головы у парикмахера за пять шиллингов в неделю, служил мальчиком на побегушках у пекаря за семь шиллингов шесть пенсов, таскал тяжести на стройке – за сколько заплатят, а вечером, разжившись обрезками у мясника, спешил домой к отцу. Еще у него был фотоаппарат, а потом – Джимми не понимал, за что ему выпало такое счастье, и больше всего на свете боялся его спугнуть – в его жизни возникла Долли, и мир уже не казался ему таким безнадежным.

С первого мгновения, когда он увидел Долли с друзьями за столиком кафе, Джимми потерял голову. Он поднял глаза от мешка, который тащил в бакалейную лавку, и она улыбнулась ему, словно старому другу. А потом рассмеялась и смущенно опустила глаза, и Джимми решил, что, проживи он хоть сотню лет, ничего прекраснее уже не встретит.

Это была любовь с первого взгляда. Ее смех, который заставлял его снова ощущать себя ребенком, исходивший от нее запах леденцов и детского масла, холмики грудей под легкой тканью. Джимми помотал головой, пытаясь сосредоточиться на шумных чайках, которые низко летали над морем.

Небо сияло безоблачной синевой, дул легкий ветерок, пахло летом. Джимми выдохнул, выбрасывая из головы события сегодняшнего утра: серебристое платье, нахального полицейского – заподозрить его в том, что он способен причинить вред Долли! Теперь все это не имело значения. В такой прекрасный день обидно ссориться. Его смущали игры Долли, он не понимал ее желания постоянно воображать себя кем-то другим, но раз это нравилось ей, значит понравится и ему.

Чтобы доказать Долли, что больше не сердится, Джимми вытащил из рюкзака верный «Брауни».

– Не желаете ли сняться, мисс Смитэм? Маленькое воспоминание о свидании у моря?

Долли, обожавшая позировать, оживилась – на это Джимми и рассчитывал. Он посмотрел на солнце и отошел к дальнему краю лужайки.

Долли привстала на руках и по-кошачьи потянулась.

– Так подойдет?

Ее щеки горели от солнца, пухлые губы покраснели от земляники, которую Джимми купил в придорожном магазинчике.

– Отлично, – ответил он, не кривя душой. – Очень удачное освещение.

– И что мне прикажешь делать в твоём удачном освещении?

Джимми потер щеку, притворяясь, будто размышляет.

– Что я должна делать? Подумай хорошенько, Джимми, это твой шанс, не упусти его. Думай, черт подери, думай...

Долли рассмеялась, Джимми вслед за ней.

– Будь сама собой, Долли, – сказал он, почесав голову. – Я хочу запомнить этот день. И если я не увижу тебя еще целых десять дней, буду хотя бы носить тебя в кармане.

Она улыбнулась и загадочно скривила губы.

– Значит, хочешь меня запомнить...

– Вот именно. А теперь подожди, я настрою аппарат.

Солнце заливало лужайку, поэтому Джимми выставил диафрагму поменьше. Лучше перестраховаться. Из тех же соображений Джимми вытащил из кармана салфетку и тщательно протер объектив.

– Готово, – сказал он, закрывая один глаз, а другим глядя вниз, в видоискатель.

Джимми вертел аппарат, не осмеливаясь посмотреть вверх.

Долли глядела на него из центра видоискателя, волосы, растрепавшиеся на ветру, прильнули к шее. Она расстегнула пуговицы на платье, спустила его с плеч, и, глядя прямо на фотографа, принялась стаскивать бретели купальника.

Черт. Джимми сглотнул. Он должен что-то сказать, – кажется, ему следует что-то сказать. Пошутить, съязвить, рассмешить ее. Но перед ней, сидящей на траве, с дерзко поднятым подбородком и обнаженной грудью... все слова вылетели у Джимми из головы. И тогда, раз уж мозги ему не повиновались, он сделал единственное, что никогда его не подводило, – нажал на спуск.

* * *

– Только прояви сам, – сказала Долли, трясущимися пальцами застегивая пуговицы. Сердце колотилось как бешеное. Никогда еще Долли не ощущала себя такой живой и привлекательной, такой сильной и властной. Ее милый, выражение его лица, когда он поднял глаза, и то, что он до сих пор избегал смотреть на нее, – от всего этого голова у Долли пошла кругом. Но главное, теперь она знала точно. Она, Дороти Смитэм, особенная. Как и сказал доктор Руфус. Велосипедная фабрика не для нее, ее ждет иная, необыкновенная жизнь.

– Неужели ты думаешь, я позволю другому мужчине это увидеть? – спросил Джимми, не сводя глаз с аппарата.

– Мало ли бывает случайностей.

– Тогда мне придется его убить, – тихо промолвил чуть дрогнувшим голосом Джимми.

Внутри у Долли похолодело. Неужели и вправду убьет? Там, откуда Долли родом, в бездушных пригородах, в новехоньких домах, имитирующих тюдоровскую старину, такого отродясь не водилось. Ей было трудно представить Артура Смитэма, который закатывает рукава, намереваясь постоять за честь жены. Но Джимми не такой, как ее отец. У него сильные руки и честное лицо, а от его улыбки в животе у Долли все переворачивается. Она притворилась, что не расслышала его ответа, отняла у Джимми фотоаппарат и, держа его на вытянутой руке, промолвила:

– Опасная вещица, мистер Меткаф. Только подумайте, сколько лишнего она знает! Того, что люди предпочли бы сохранить в тайне.

– Например?

– Ну, – Долли игриво повела плечиком, – люди часто делают то, чего не следует. Взрослый мужчина обольщает невинную девушку – интересно, что скажет ее отец?

Закусив губу, испуганная, но храбрящаяся Долли подвинулась ближе, почти коснувшись его крепкой загорелой руки. Электричество пульсировало между ними.

– Если не хочешь нажать неприятностей, лучше держаться подальше от тебя и твоего фотоаппарата.

– Еще неизвестно, кто из нас опаснее, – улыбнулся Джимми исподлобья. Его улыбка погасла так же быстро, как вспыхнула.

Он не сводил с нее глаз, и у Долли перехватило дыхание. Внезапно все изменилось. Его пристальный взгляд... преграды рухнули, и Долли утратила самообладание. Что-то надвигалось на нее, она сама запустила это движение и теперь была бессильна его остановить.

Не разжимая губ, Джимми тихо вздохнул, поднял руку, заправил ей за ухо выбившийся локон, затем рука напряглась и сжала ее затылок. Долли чувствовала, как дрожат его пальцы. Внезапно Долли ощутила себя маленькой девочкой, хотела было что-то сказать (сама не зная что), но Джимми резко мотнул головой – и Долли послушно закрыла рот. Его подбородок дернулся, Джимми глубоко вдохнул и притянул Долли к себе.

Тысячи раз Долли представляла свой первый поцелуй, но реальность превзошла ожидания. На экране, когда Кэтрин Хэпберн целовалась с Фредом Макмюрреем, это выглядело мило. После сеанса они с Кейтлин практиковались на сгибе локтя, но она и представить себе не могла, что ее ждет! Жар, сила, натиск. Долли ощущала вкус солнца, земляники, солоноватой мужской кожи. Но слаще всего было сознавать, как сильно Джимми ее хочет, чувствовать его

прерывистое дыхание, его сильное мускулистое тело, выше, крупнее, чем ее, – тело, сражающееся с собственным желанием.

Долли отстранилась и открыла глаза. Джимми с облегчением рассмеялся, хрипловато и удивленно.

– Я люблю тебя, Дороти Смитэм, – промолвил он, прижавшись лбом к ее лбу, и осторожно оттянул пуговку на платье. – Я люблю тебя, и когда-нибудь мы поженимся.

* * *

Они молча спускались с поросшего травой холма, но внутри у Долли все пело. Джимми собирался просить ее руки: его приезд, поцелуй, сила его желания... что еще это могло означать, как не предложение руки и сердца? Больше всего на свете Долли хотелось, чтобы Джимми произнес эти слова вслух. Даже пальчики на ногах ломило от предвкушения.

Это было грандиозно. Именно то, о чем спрашивала мать, но тогда она не нашлась с ответом. Теперь она знала: больше всего на свете ей хотелось стать женой Джимми.

Долли скосила глаза, отмечая блаженное выражение на лице Джимми, его непривычную сдержанность, сознавая, что они думают об одном и что даже сейчас он ищет нужные слова. Долли была на седьмом небе от счастья, ей хотелось прыгать, кружиться, танцевать.

Они не впервые заговаривали о свадьбе, им уже случалось полшутя обсуждать свою будущую семейную жизнь в тихих пустых кафе в той части города, куда родители Долли не заглядывали. Этот предмет всегда невероятно волновал Долли, хотя, игриво описывая фермерский дом, где они будут жить, она ни разу не упомянула о закрытых дверях и общей постели, о том обещании свободы – физической и моральной, – что неудержимо влекло школьницу, мать которой до сих пор утюжила и крахмалила ее форменные юбки.

Долли хихикнула и сжала руку Джимми. Они миновали луг и теперь шли по тенистой аллее. Почувствовав ее прикосновение, Джимми остановился, потянул Долли за собой и прислонил спиной к стене дома. Его улыбка показалась Долли немного нервной.

– Долли.

– Да.

Сейчас или никогда. Долли едва дышала.

– Я хочу сказать тебе кое-что очень важное.

* * *

Долли улыбалась, и ее улыбка, такая открытая и зовущая, переполнила сердце Джимми. Ему не верилось, что наконец-то он отважился поцеловать ее, поцеловать так, как ему давно хотелось. Самое удивительное, что она ответила на его поцелуй. И пусть они родом из разных миров, теперь это не имело значения. Ее нежная рука лежала в его руке, и Джимми решился произнести вслух то, что весь день вертелось в голове:

– Вчера мне позвонили из Лондона, один человек, его фамилия Лорант⁷.

Долли кивнула.

– Он собирается издавать журнал, где будут печатать фотографии, за которыми стоит какая-то история. Этот Лорант увидел мой снимок в «Телеграф» и предложил мне работу.

⁷ Лорант Стивен (Иштван) (1901–1997) – выдающийся американский издатель и фотожурналист венгерского происхождения. Совершил революцию в искусстве фоторепортажа и помог становлению многих великих фотографов. С середины 1930-х до середины 1940-х жил в Англии, где издавал несколько фотожурналов.

Джимми ожидал, что Долли радостно взвизгнет и крепко сожмет его руку. Мечта, не покидавшая Джимми с тех пор, как он нашел на чердаке старый отцовский фотоаппарат и штатив, была близка к осуществлению. Однако Долли молчала. Улыбка сползла с ее лица.

– В Лондоне? – спросила она.

– Да.

– Ты собираешься в Лондон?

– Да. Туда, где много домов, часов и тумана.

Джимми пытался шутить, но Долли не рассмеялась. Недоуменно моргнув, она тихо спросила:

– Когда?

– В сентябре.

– Будешь там жить?

– И работать.

Джимми запнулся, что-то явно шло не так.

– Фотографический журнал, – произнес он неуверенно и нахмурился. – Долл?

Ее верхняя губа задрожала, и Джимми испугался, что сейчас она разревется.

– Долл? Что случилось?

Она не плакала, нет. Джимми отпустил руки Долли и сжал в ладонях ее лицо.

– Мы собирались пожениться, – пробормотала Долли.

– Что?

– Ты сам сказал, и я подумала...

К удивлению Джимми, Долли была в ярости. Бешено жестикулируя обеими руками, с горящими щеками, Долли бормотала что-то бессвязное. Джимми уловил лишь «ферма», «отец» и, как ни странно, «велосипедная фабрика».

Джимми пытался что-то сказать, она не слушала, и ему осталось лишь стоять и молча смотреть на нее. Завершив свой взволнованный и сбивчивый монолог, Долли глубоко вздохнула и возмущенно уставилась на него. Недолго думая, Джимми заключил ее в объятия и принялся гладить по волосам, словно расшалившегося ребенка. Это возымело действие, и Джимми улыбнулся про себя. Сдержанного и уравновешенного Джимми порой заставляли врасплох бурные эскапады Долли, но ему нравилась ее горячность: она никогда не бывала просто довольной, а прыгала от радости, никогда не дулась, а сразу вскипала.

– Я-то думала, ты хочешь на мне жениться, а вместо этого ты уезжаешь в Лондон!

Джимми расхохотался:

– Не вместо, Долли! Я собираюсь откладывать деньги. Больше всего на свете я хочу на тебе жениться, просто я должен знать, что все делаю правильно.

– Но все и так правильно, Джимми! Мы любим друг друга, мы хотим быть вместе. Наша ферма, толстые куры, гамак, и мы танцуем босиком на веранде...

Джимми улыбнулся. Он рассказывал Долли о детстве своего отца, проведенном на ферме, незамысловатые истории, которые сам слышал когда-то, а Долли, как всегда, присвоила их себе, сильно приукрасив. Джимми изумляла способность Долли расцветчивать любую заурядную историю блестками своей фантазии.

Джимми сжал ее лицо в ладонях.

– У меня нет денег, чтобы купить ферму, Долл.

– Тогда давай купим цыганскую кибитку. С занавеской в маргаритках. И одну курицу... или двух, чтобы не скучали.

Не выдержав, Джимми прижался губами к ее губам. Долли была так молода, так романтична, Долли была его девушкой.

– Подожди, Долл, когда-нибудь мы сможем позволить себе все, о чем мечтаем. Я обещаю работать как вол, ты только потерпи.

Чайки чертили небо над ними. Джимми нашел ее руку, крепко сжал и повел Долли обратно к морю. Он любил ее фантазии, восхищался ее мятежным духом. Никогда он не чувствовал себя таким живым, как рядом с Долли. Однако Джимми приходилось думать об их совместном будущем. Они не могут позволить себе предаваться мечтам, ничего хорошего из этого не выйдет. Джимми был умен, об этом твердили все учителя, до того, как из-за болезни отца ему пришлось оставить школу. Он схватывал на лету, прочел почти все книги из публичной библиотеки. Единственное, чего ему не хватало, это везения, но, кажется, теперь все налаживалось.

Остаток пути они проделали молча. Когда вдали показался променада, кишачий отпускатниками, которые дожевывали бутерброды с креветочной пастой, Джимми остановился, продел ее пальцы в свои и произнес:

- Пора.
- Пора.
- Увидимся через десять дней.
- Если я не примчусь раньше.

Джимми улыбнулся, потянулся к губам Долли, но какой-то малыш, преследующий мячик, который закатился в аллею, неожиданно подскочил сбоку. Момент был упущен, и Джимми неловко отстранился.

Долли махнула рукой в сторону променада.

- Мне нужно возвращаться.
- Держись подальше от всяких подозрительных типов.

Долли рассмеялась и неожиданно чмокнула Джимми прямо в губы. С улыбкой, от которой у Джимми зануло все тело, она шагнула навстречу заходящему солнцу, подол ее летнего платья бился по голым ногам.

– Долл! – крикнул он ей вслед. Она обернулась, солнце позолотило ее темные волосы. – Тебе ни к чему модное платье, Долл, ты в тысячу раз прекраснее той девушки.

Она улыбнулась (по крайней мере, Джимми так показалось, потому что лицо Долли было в тени), махнула рукой и убежала.

* * *

Солнце, земляника или то, что ему пришлось нести сломя голову к поезду, были тому виной, но Джимми проспал почти всю обратную дорогу. Ему приснилась мать, старый привычный сон, повторявшийся годами. Они были на ярмарке, смотрели выступление иллюзиониста. Иллюзионист захлопнул за своей хорошенькой помощницей крышку ящика (ящик сильно смахивал на гробы, которые отец мастерил в подвале «У. Г. Меткаф и сыновья. Гробовщики и игрушечных дел мастера»), а мать наклонилась к нему и сказала:

– Он пытается отвлечь твоё внимание, Джим. Ни в коем случае не смотри в сторону.

Восьмилетний Джимми кивнул, расширил глаза и честно не мигал, хотя совсем скоро в глазах появилась нестерпимая резь. И все-таки он проморгал: крышка ящика распахнулась – опля! – но женщины там не было. Мать расхохоталась, и Джимми стало не по себе, однако, когда он поднял глаза, матери рядом не было. Она сидела внутри ящика, уговаривая Джимми не спать на ходу, а ее духи благоухали так сильно, что...

– Ваш билет, пожалуйста.

Джимми встрепенулся и первым делом нащупал кофр на сиденье рядом с собой. Слава богу. Глупо так отключаться, особенно если при тебе фотоаппарат, твой пропуск в будущее. А если бы его украли?

– Ваш билет, сэр.

Глаза кондуктора стали как щелочки.

– Да-да, извините. Минутку.

Джимми начал рыться в карманах.

– Едете в Ковентри?

– Да, сэр.

Явно досадуя, что не удалось поймать нарушителя, кондуктор вернул Джимми билет и приложил руку к козырьку.

Джимми вытащил из рюкзака книгу, но чтение не шло на ум. Воспоминания о Долли, мысли о предстоящей поездке в Лондон мешали сосредоточиться на повести «О мышах и людях»⁸. Из головы не выходил сегодняшний разговор с Долли. Он хотел обрадовать ее новостями и вовсе не собирался обижать – настоящее кошунство расстраивать такую страстную и светлую натуру. Однако Джимми знал, что все сделал правильно.

Она не захочет связать свою жизнь с мужчиной, у которого нет ничего за душой. Долли любит безделушки и красивые вещи. Он наблюдал, как она глазела на ту компанию и на девушку в серебристом платье. И пусть Долли мечтает о ферме, ей не чужды обольщения богатой жизни. Ничего удивительного. Долли умна и очаровательна, и ей всего лишь семнадцать! Она не привыкла ни в чем себе отказывать, да и незачем ей привыкать. Долли нужен муж, который даст ей самое лучшее, а не мясные обрезки и каплю сгущенки в чай, когда нет денег на сахар. Джимми готов работать не покладая рук, и тогда, Бог свидетель, он женится на Долли.

Но это случится не сейчас.

Джимми не понаслышке знал, что бывает с бедняками, женившимися по любви. Его мать оставила богатых родителей ради отца Джимми, и первое время они были на седьмом небе от счастья. Но долго это не продлилось. Джимми до сих пор помнил тот день, когда, проснувшись утром, обнаружил, что мать ушла.

Вышла из дому и была такова, шептались соседи, а Джимми вспоминал волшебную сказку, которую они с матерью смотрели в театре за неделю до ее бегства. Он воображал, как мать растворяется в воздухе. Если кто и способен на такое волшебство, так это она, решил Джимми.

Как случается со всеми великими детскими тайнами, глаза ему раскрыли сверстники задолго до того, как этим озаботились взрослые доброхоты. «Мама у Джимми сбежала с богачом, маленький Джимми остался ни при чем; сидит Джимми без гроша, не получит ни шиша».

Джимми принес дразнилку со двора, но особого толка от отца не добился. С каждым днем тот грустнел, худел и почти не отходил от окна, притворяясь, будто ждет почтальона с важным письмом. Отец похлопал сына по руке, сказав, что все образуется, что вдвоем они не пропадут. Маленькому Джимми не понравился его тон: отец словно пытался убедить в этом себя.

Джимми прижался лбом к стеклу, глядя на пролетающие мимо рельсы. Отец. Единственное слабое звено в его лондонских планах. Отца нельзя оставлять в Ковентри, но он так привязан к дому. Разум отца по-прежнему блуждал в потемках, и Джимми не раз заставлял его за приготовлением ужина для жены или, того хуже, у окна, в ожидании ее прихода.

Поезд втащился на вокзал Ватерлоо, и Джимми закинул рюкзак за плечи. Ничего, он что-нибудь придумает. Его ждет великое будущее, и Джимми не подкачает. Крепко сжимая кофр с фотоаппаратом, он выпрыгнул из вагона и заспешил к метро.

⁸ «О мышах и людях» – повесть Джона Стейнбека, опубликованная в 1937 году и рассказывающая трагическую историю двух рабочих во время Великой депрессии в Америке.

* * *

Долли стояла перед зеркалом в своей комнате, облаченная в сверкающий серебристый атлас. Она непременно вернет платье хозяйке, но разве это преступление – примерить его хотя бы раз? Приосанившись, Долли разглядывала себя в зеркале. От дыхания холмики грудей то поднимались, то опускались, атлас нежно льнул к коже. Долли никогда не доводилось носить таких великолепных вещей. Платья, подобного этому, не было ни в скучном гардеробе ее матери, ни даже у матери Кейтлин.

Платье совершенно преобразило Долли.

Если бы Джимми мог видеть ее сейчас! Долли провела пальцами по губам, и при воспоминании о поцелуе, о том, как он смотрел на нее, когда щелкал затвором, соски напряглись. Это был ее первый настоящий поцелуй, и отныне она уже не та, что была утром. Интересно, заметят ли родители то, что буквально бросается в глаза? Взрослый мужчина с руками, загрубевшими от тяжелой работы, мужчина, который скоро уедет в Лондон, где ему предложили настоящую работу, смотрел на нее с такой жадной во взоре, целовал ее с такой страстью!

Долли пригладила платье на бедрах, кивнула невидимому собеседнику, рассмеялась воображаемой шутке и, широко раскинув руки, рухнула поперек узкой девичьей кровати.

– Лондон, – сказала она лепнине на потолке.

Долли приняла решение. Она поедет в Лондон. Признается родителям перед отъездом в Ковентри. Они будут вне себя, но это ее жизнь, и она не намерена подчиняться глупым условиям. Ей нет дела до велосипедной фабрики, она будет заниматься тем, к чему лежит душа. В большом мире ее ждут увлекательные приключения, надо лишь шагнуть им навстречу.

9

Лондон, 2011 год

Снаружи было серо и пасмурно, и Лорел порадовалась, что надела пальто. Продюсеры хотели прислать за ней машину, но она отказалась, до отеля было рукой подать. Лорел всегда любила пешие прогулки, да и доктора в последнее время советовали больше гулять. В глубине души Лорел надеялась, что прогулка прояснит голову. Предстоящее интервью заставляло ее волноваться: от мысли о слепящих прожекторах, немигающем оке камеры, почтительных и дружелюбных вопросах молодого журналиста рука сама тянулась к сумочке за сигаретой. Вот и правильно, хватит ублажать докторов.

На углу Кенсингтон-Черч-стрит она остановилась, чтобы зажечь спичку, и посмотрела на часы. Репетиции завершились раньше срока, интервью начнется в три. Если она поторопится, времени как раз хватит. Лорел посмотрела в сторону Ноттинг-Хилл: не так уж далеко, успеет. И все-таки она колебалась. За простым на вид решением клубился ворох смутных перспектив. Нет, долой сомнения. Глупо, оказавшись так близко, не воспользоваться случаем. Прижав сумочку локтем, она уверенно зашагала в противоположную сторону от Хай-стрит. («Только вперед, детка», – как говорила их мать.)

Лорел поймала себя на том, что во время вечеринки по случаю дня рождения Дороти не сводит взгляда с материнского лица, словно пытаясь разгадать загадку («Откуда ты знаешь Генри Дженкинса, мам? Как я понимаю, вы друг друга недолюбливали?»). В четверг они устроили прием в больничном саду. День выдался на славу, и, как заметила Айрис, грех было не воспользоваться такой погодой.

Какое правильное у Дороти лицо. В молодости мать слыла красавицей, куда красивее Лорел, да и остальных дочерей, за исключением, возможно, Дафны. Уж Дороти режиссеры не стали бы предлагать характерные роли. Но красота и молодость не вечны, время шло, и мать старела. Кожа повисла, покрылась морщинами и пятнами, кости словно просели, волосы истончились. И все же в лице осталось прежнее озорство. В усталых глазах светился огонек, уголки губ изгибались, словно Дороти только что вспомнила отличную шутку. Такие лица очаровывают людей незнакомых. В присутствии Дороти казалось, что, несмотря на страдания, о которых она знала не понаслышке, рядом с ней все пойдет хорошо. В этом проявлялась подлинная мамина красота, ее веселость, ее магнетизм. А еще неутолимое желание притворяться, воображать себя кем-то другим.

– Мой нос слишком велик для лица, – сказала она однажды маленькой Лорел. – Я не использую Богом данный талант. Мне следовало стать парфюмером.

Отвернувшись от зеркала, Дороти лукаво улыбнулась. От ее улыбки сердце Лорел замерло в предвкушении.

– Хочешь узнать секрет?

Лорел, сидевшая на краю родительской кровати, кивнула. Мать склонилась над ней, кончиком носа коснувшись пуговицы детского носика.

– Давным-давно, когда я еще не стала мамой, я была крокодилом.

– Крокодилом? – Лорел задыхнулась от удивления.

– Да, но потом мне надоело. Плавать и щелкать зубами. А еще тяжело таскать за собой хвост, особенно когда намокнет.

– Поэтому ты решила стать тетей?

– Не совсем. Таскать хвост тяжело, но это не повод пренебрегать своими обязанностями. Однажды я лежала на берегу реки...

– В Африке?

– Разумеется. Ты же не думаешь, что крокодилы водятся в Англии?

Лорел замотала головой.

– Так вот, однажды, когда я лежала на берегу, мимо прошла маленькая девочка с мамой. Они держали друг друга за руки. И я поняла, что тоже так хочу. Вот я и превратилась в человека. А потом у меня появилась ты. Так что все сложилось не так уж плохо, за исключением носа.

– Но как у тебя получилось? – удивленно заморгала маленькая Лорел. – Как тебе удалось превратиться в человека?

– Ну, – Дороти отвернулась к зеркалу и расправила на плече бретельку платья, – ты же не ждешь, что я выболтаю все свои секреты. Спроси меня как-нибудь в другой раз. Когда подрастешь.

* * *

Чего-чего, а воображения маме было не занимать.

– А что ей оставалось! – фыркнула Айрис, которая везла их домой с вечеринки. – Пятеро детей! Тут любая спятит.

Спорить с этим было трудно. Лорел точно бы сошла с ума. Пятеро орущих, вечно скандалящих отпрысков, протекающая крыша, птицы, свившие гнезда в трубе. Кошмар, да и только.

Вот только никакого кошмара не было и в помине. Их идиллическую жизнь было в пору описывать в романах, которые критики именуют ностальгическими. (Если выкинуть историю с ножом. Также мне идиллия, хмыкнули бы критики.)

Лорел смутно помнила, как, будучи подростком, недоумевала, неужели можно выбрать жизнь, состоящую только из домашних хлопот? В далеком тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году из-за увлечения Кингсли Эмисом ей было не до «Листочков майскою порой»⁹. Впрочем, она была вполне довольна выбором родителей. Молодость заносчива, и Лорел думала, что, в отличие от нее, им просто недостает авантюризма и отваги. Ей даже в голову не приходило, что Дороти не всегда была счастливой женой и матерью, что у нее есть прошлое, и это прошлое скрывает тайну.

Нынче прошлое Дороти окружало Лорел со всех сторон. Оно обрушилось на нее в больнице, когда Лорел увидела фотографию Вивьен. Прошлое подстерегало на каждом углу, отзывалось шепотами в ночной тишине. С каждым днем его груз становился все тяжелее, принося с собой кошмарные сны. Лорел не могла сосредоточиться ни на фильме, который запускался на следующей неделе, ни на интервью. Она должна узнать тайну своей матери – все остальное не важно.

А тайна и впрямь существовала. Не будь Лорел так в этом уверена, она получила бы подтверждение из уст самой Дороти. На ее девяностолетии – правнучки плели венки из маргариток, внук перевязывал носовым платком разбитую коленку собственному сыну, а дочери хлопотали, чтобы всем хватило чая с тортом, – кто-то крикнул: «А теперь речь!»

Очаровательно улыбнувшись на фоне поздних осенних роз, Дороти сплела тонкие пальцы, нервно поправила сползающие кольца и вздохнула.

– Мне очень повезло, – произнесла она старческим надтреснутым голосом. – Посмотрите на себя, посмотрите на моих детей. Я так благодарна, так счастлива, что мне был дан... – Губы Дороти задрожали, веки затрепетали, все бросились обнимать и целовать бабушку и пропустили конец фразы: – ...второй шанс.

⁹ «Листочки майскою порой» (1958) – повесть английского писателя Герберта Бейтса (1905–1974), писавшего преимущественно о сельской Англии. Герой повести бросает город и уезжает в буколический сельский рай.

Все, но не Лорел. Она пристально всматривалась в прекрасное, усталое, загадочное лицо в поисках ответа. Ибо те, чья жизнь скучна и безгрешна, не благодарят за то, что получили второй шанс.

* * *

Лорел свернула на Кемпден-гроув, и ветер швырнул ей под ноги осенние листья. К счастью, уборщик еще не успел снести их. Листья хрустнули под ногами, время сделало петлю, и девятилетняя Лорел снова оказалась в лесу за фермой.

– Набивайте пакеты до самого верха. Наш костер должен вспыхнуть до небес!

Мамин голос, ночь Гая Фокса. Лорел и Роуз в резиновых сапогах и шарфах, Айрис в коляске. Джерри – дальний шепот, светлячок на фоне розовеющего неба, Дафна, тоже еще не родившаяся, плавает и кувывается в мамином животе: «Я здесь, я здесь!» («Это произошло, когда ты была неживой», – обычно добавляли старшие сестры, когда разговор касался событий, случившихся до ее рождения. Смерть вовсе не пугала Дафну, куда досаднее было, что шумное празднование прошло без нее.)

Дойдя до середины улицы, как раз напротив Гордон-плейс, Лорел остановилась. Вот он, двадцать пятый номер. Как и полагается, втиснут между двадцать четвертым и двадцать шестым. Дом ничем не отличался от соседей-викторианцев: белая штукатурка, черные балконные решетки, мансардное окно в ветхой шиферной крыше. Детская коляска, напоминающая луноход, на мощенной разноцветными плитками дорожке, гирлянда тыквенных голов в окне первого этажа. Синей мемориальной таблички на доме не оказалось, только номер. Очевидно, некому было убедить Комиссию по охране исторических зданий, что дом Генри Рональда Дженкинса заслуживает внимания. Интересно, догадываются ли сегодняшние обитатели, что некогда дом принадлежал известному писателю? Едва ли. Множество лондонцев спокойно живут в домах, где до них обитал кто-нибудь знаменитый. К тому же слава Генри Дженкинса давным-давно миновала.

Впрочем, Лорел удалось обнаружить его в интернете. Здесь все было с точностью до наоборот – ни за любовь, ни за деньги тебе не удастся изъять себя из всемирной паутины. Генри Дженкинс – один из миллионов призраков, бесплотным видением кружащий в Сети, пока нужная комбинация букв не вызовет его к жизни. На ферме Лорел попыталась выйти в интернет с мобильного, но стоило ей ввести буквы в поисковую строку, как телефон разрядился. Просить ноутбук у Айрис означало признаться в цели своих поисков, поэтому Лорел провела несколько часов перед отъездом, отскребая вместе с Роуз плесень в ванной и изнывая от любопытства.

Всю обратную дорогу они с Марком дружески проболтали о пробках, предстоящем театральном сезоне и вероятности того, что дорожные работы завершат до начала Олимпиады. Благополучно прибыв на место, Лорел заставила себя постоять у порога, махая Марку рукой, пока автомобиль не скрылся из виду, неспешно поднялась по ступенькам, недрогнувшей рукой вставила ключ в замок. Дверь за ней закрылась, и лишь тогда, в тишине собственной гостиной, Лорел швырнула на пол дорожную сумку и сбросила маску. Не зажигая света, она включила ноутбук и ввела в «Гугл» фамилию и имя. За ту долю секунды, пока на экране появились результаты, Лорел вспомнила детскую привычку грызть ногти.

Страницу Генри Дженкинса в «Википедии» нельзя было назвать излишне подробной, но она содержала краткую биографию и библиографию. Родился в Йоркшире в 1901 году, женился в Оксфорде в 1938 году, жил в Лондоне, в доме 25 по Кемпден-гроув, умер в Суффолке в 1961 году. Его романы продавались на двух сайтах, торгующих подержанными книгами (Лорел заказала два). Имя Генри Дженкинса упоминалось также в «Списке выпускников школы Нордстром» и статье «Куда там вымыслу: таинственные литературные смерти». Лорел ознакомилась с оценкой литературных трудов Генри Дженкинса: мрачная полуавтобиографи-

ческая проза, антигерои из рабочего класса, но гораздо чаще упоминалось его разоблачение в качестве «суффолкского извращенца». С замиранием сердца она листала страницу за страницей, опасаясь обнаружить знакомое имя или адрес.

Однако тревоги были напрасны. Ни единого упоминания о Дороти Николсон, матери оscarовской лауреатки и победительницы опроса «Лицо нации» (второе место), ни единого намека о ноже для особых случаев, плачущем младенце и семейном пикнике на берегу ручья. Место, где умер Генри Дженкинс, описывалось как «сельская местность вблизи Левенхэма, Суффолк». Разумеется. Иначе и быть не могло. Нынешние сетевые историки оказались достойными продолжателями благородных фальсификаторов из далекого тысяча девятьсот шестидесяти первого: слава Генри Дженкинса пришлась на довоенные годы, по окончании Второй мировой его звезда закатилась. Он потерял деньги, влияние, друзей и постепенно утратил всякое понятие о приличиях, взамен обретя бесчестье. Впрочем, даже о его позоре успели забыть. Лорел читала и перечитывала историю Генри Дженкинса, и с каждым разом карандашный набросок обретал краски. Она сама уже почти поверила в ту версию событий, которая стала общепринятой.

А потом Лорел случайно открыла безобидный на вид сайт «Имаджинариум Руперта Холдстока», и на экране, словно в окошке, возникла фотография. На снимке он выглядел моложе, но это, несомненно, был он, Генри Дженкинс. Лорел бросило в жар. Фотографии Генри Дженкинса не было ни в одной газете, и Лорел видела его лицо впервые после того, как заметила на садовой дорожке странного незнакомца в шляпе.

Не в силах устоять, она запустила поиск по картинкам. Спустя двадцать семь сотых долей секунды «Гугл» выдал целый экран одинаковых снимков со слегка измененными пропорциями. В таком виде Генри Дженкинс выглядел зловеще. (Или это ее домыслы? Скрип калитки, рычание Барнаби, белая рубашка, побуревшая от крови.) Ряды одинаковых черно-белых снимков: официальный костюм, темные усы, тяжелые брови, пугающе прямой взгляд. «Привет, Дороти». Ей показалось, что тонкие губы на экране шевельнулись. «Давненько не виделись».

Она захлопнула ноутбук, и комната погрузилась во тьму.

* * *

Лорел отказывалась смотреть на фотографию Генри Дженкинса, но не могла перестать думать о нем, о его доме за углом от ее собственного, а когда пришла первая книга, прочла ее от корки до корки.

«Бывшая служанка», восьмая книга Генри Дженкинса, опубликованная в сороковом году, повествовала о романе известного писателя с горничной его жены. Служанка по имени Салли – весьма распутная девица, главный герой, несчастный малый, его красивая, но холодная жена. Чтение оказалось по-своему увлекательным, если вы не против мрачноватой, тяжеловесной прозы: яркие персонажи, проблема выбора, вставшая перед героем, особенно когда Салли и его жена подружились. В финале главный герой почти решается разорвать опостылевшую связь и мучительно размышляет над последствиями своего поступка. Бедная девушка совершенно потеряла голову, и неудивительно. Судя по тому, как Генри Дженкинс описывал себя – то есть главного героя, – было из-за чего.

Лорел снова посмотрела на чердачное окно дома номер двадцать пять. Всем известно, что Генри Дженкинс заимствовал сюжеты из жизни. Маме приходилось работать прислугой (именно в качестве горничной она и попала в пансион бабушки Николсон); мама дружила с Вивьен и, совершенно очевидно, не испытывала дружеских чувств к Генри Дженкинсу. Могла ли история Салли оказаться историей ее матери? Возможно ли, что Долли когда-то жила под этой крышей и была влюблена в хозяина? И не объясняется ли то, чему Лорел стала свидетельницей тем давним летним днем, гневом отвергнутой женщины?

Возможно.

Пока Лорел размышляла, как разузнать, работала ли юная особа по имени Дороти в доме писателя Генри Дженкинса, парадная дверь распахнулась и крыльцо заполнили пухлые ножки в колготках и вязаные шапочки с помпонами. Домовладельцы не жалуют незнакомцев, которые шляют возле их дверей без дела, поэтому Дороти опустила голову и сделала вид, будто роется в сумочке, однако, как и полагается записной любительнице совать нос в чужие дела, краем глаза продолжала наблюдать. Вскоре из дома показалась женщина с младенцем на руках, трое детишек крутились вокруг ее ног, четвертый – ничего себе! – детский голосок раздавался откуда-то из недр дома.

Женщина пятилась по ступенькам, и Лорел уже готова была предложить ей помощь, когда из дверей возник четвертый ребенок, мальчик лет пяти-шести. Вместе с матерью они стащили коляску вниз, после чего семейство направилось в сторону Кенсингтон-Черч-стрит. Одна из девочек вприпрыжку скакала впереди, а мальчик отстал. Малыш совершенно ушел в себя, он волнообразными движениями сводил и разводил руки и наблюдал, склонив голову набок, как они вращаются, словно падающие листья, и одновременно шевелил губами, словно бормоча про себя какую-то песенку. Он напомнил Лорел ее брата, Джерри.

Милый Джерри. Он всегда был особенным. Первые шесть лет младший брат не промолвил ни слова, и малознакомые люди считали, что малыш отстает в развитии. (Соседям, привыкшим к шумным сестрам Николсон, его молчание казалось естественным.) Впрочем, они ошибались, Джерри был умен, невероятно умен. Он собирал факты и доказательства, аксиомы и теоремы, ответы на вопросы, которые никогда не приходили в голову Лорел, о времени и пространстве и о том, что лежит между ними. Когда шестилетний Джерри решил наконец воспользоваться для общения языком, он спросил, что они думают о способах выпрямления Пизанской башни (об этом говорили в программе новостей несколько дней назад).

– Джулиан!

Воспоминания рассеялись, и Лорел поняла, что мать малыша зовет его.

Левая рука мальчика опустилась, он посмотрел вверх, и его глаза удивленно расширились.

Удивление, затем узнавание. Лорел давно привыкла к подобной реакции, – впрочем, узнавание не всегда следовало за удивлением. («Мы знакомы? Вы из банка?»)

Она кивнула и уже хотела уходить, когда мальчик уверенно промолвил:

– Вы – папина тетя.

– Джу-ли-ан!

Лорел обернулась, встречая взгляд странного малыша.

– Что?

– Вы – папина тетя.

Не успела Лорел ничего сказать, а малыш уже унесся вслед за матерью, его распахнутые руки следовали за невидимыми течениями Кемпден-гроув.

10

На Кенсингтон-Хай-стрит Лорел поймала такси.

– Куда едем? – спросил таксист, когда Лорел укрылась на заднем сиденье от внезапно припустившего дождя.

– В Сохо. Отель «Шарлотт-стрит», благодарю.

Последовала пауза, в продолжение которой таксист изучал ее лицо в зеркале заднего вида, а когда такси тронулось с места, спросил:

– Мы не встречались? Чем занимаетесь?

«Ты – папина тетя». Что, черт подери, это значит?

– Работаю в банке.

Пока таксист рассуждал о коварстве банкиров и глобальном кредитном кризисе, Лорел уткнулась в экран мобильного, листая телефонную книжку в поисках номера Джерри.

Он опоздал на вечеринку по случаю дня рождения Дороти и сразу принялся чесать в затылке, пытаясь вспомнить, куда задевал подарок. Иного никто от него и не ждал. Как обычно, приезд Джерри вызвал бурную радость. В свои пятьдесят два он остался тем же очаровательным рассеянным мальчишкой в брюках не по фигуре и коричневом свитере крупной вязки, который Роуз связала ему тридцать лет назад на Рождество. Сестры наперебой бросились ухаживать за братом, пичкать его чаем с тортом. Даже мама очнулась от дремы, и ее лицо озарила улыбка чистой радости, которую она приберегала для своего любимчика.

Из всех своих детей Дороти больше всего скучала по Джерри. Об этом Лорел узнала от любезной медсестры, которая остановила ее в коридоре и сказала:

– Хорошо, что я вас застала.

– Что случилось? – успела переполошиться Лорел.

– Не волнуйтесь, ничего страшного. Ваша мать кого-то звала. Кажется, Джимми. Кто это? Она хотела его увидеть. Почему он ее не навещает?

Лорел покачала головой. Нет, никакого Джимми ее мать не знает. Она не стала добавлять, что вопрос не по адресу и среди сестер она не самая образцовая дочь. (Хотя ей далеко до Дафны. Хорошо, что есть Дафна. Не слишком приятно ощущать себя худшей из сестер.)

– Не стоит беспокоиться. – Медсестра ободряюще улыбнулась. – Временами она забывается. Перед концом с ними такое бывает.

Обобщенное «с ними» и прямолинейное «перед концом» заставили Лорел вздрогнуть, но тут появилась Айрис, потрясая неисправным чайником и сетуя на состояние британского здравоохранения. И только потом, когда Лорел украдкой курила во внутреннем дворике больницы, до нее дошло. Никакого Джимми не было в помине, Дороти ошиблась. Разумеется, она имела в виду Джерри.

* * *

Таксист резко свернул на Бромптон-роуд, и Лорел вцепилась в сиденье.

– Стройка, – пояснил он, объезжая магазин «Харви Николс». – Апартаменты класса люкс. Эти чертовы краны торчат тут целый год.

– Ужасно неудобно.

– Небось уже продали все с потрохами. Четыре миллиона фунтов квартира. – Таксист присвистнул сквозь зубы. – Четыре лимона! Можно купить остров.

Лорел сухо улыбнулась, от души надеясь, что улыбка не вышла поощрительной – она терпеть не могла разговоры о чужих деньгах, – и поднесла телефон к глазам.

Неудивительно, почему при взгляде на странного мальчишку с Кемпден-гроув ей на ум пришел Джерри. В детстве они были близки, но все изменилось, когда Джерри исполнилось семнадцать. Перед тем как отправиться в Кембридж, брат гостил у нее в Лондоне («Полный стипендиат», – сообщала Лорел всем, кто проявлял интерес, и даже тем, кто не проявлял), и они прекрасно проводили время. Совместный просмотр «Монти Пайтона и священного Грааля», на ужин карри навывнос из соседнего ресторана. Потом, отдав должное превосходному тикка масала и прихватив с собой подушки и одеяло, они вылезли из окна ванной на крышу.

Ночь выдалась особенно звездной и тихой, внизу раздавались крики подвыпивших компаний. Сигарета сделала Джерри разговорчивым, и это приводило Лорел в восторг. Он пытался объяснить происхождение всего на свете, показывая кластеры и галактики, соединял длинные нервные пальцы, изображая взрыв. Лорел шурилась, звезды расплывались перед глазами, а слова Джерри журчали, словно ручеек. Она совсем потерялась среди туманностей и сверхновых, и не сразу поняла, что Джерри обращается к ней, и, похоже, не в первый раз.

– Лол...

– А?

Она поочередно закрывала глаза, заставляя звезды прыгать на небе.

– Я хотел кое-что спросить.

– Ну?

Он рассмеялся.

– Господи, я столько раз повторял это про себя, а теперь чертовы слова не хотят складываться. – Джерри взъерошил волосы и фыркнул. – Хм! Ладно, скажи мне, Лол, когда мы были детьми, не случилось ли у нас дома какого-нибудь... какого-нибудь насилия, – закончил брат шепотом.

Лорел поняла сразу. Сердце заколотилось в груди. Джерри помнил. Они решили, что он маленький и все забудет, а он помнил.

– Насилия?

Она выпрямилась, старательно отводя взгляд.

– Ты хочешь сказать, какого-то особенного насилия? За исключением сражений Айрис и Дафны за ванну?

Джерри не рассмеялся.

– Я понимаю, звучит глупо, но порой меня охватывает странное чувство.

– Чувство?

– Лол...

– Если тебя одолевают странные чувства, лучше поговори с Роуз...

– Господи.

– Хочешь, позвоним прямо в ашрам?

Джерри запустил в нее подушкой.

– Я говорю серьезно, Лол. Я решил спросить у тебя, потому что ты не станешь мне врать.

Джерри улыбнулся, он не умел долго оставаться серьезным, и Лорел в миллионный раз подумала, как же она его любит. Даже своих будущих детей она не будет любить сильнее, чем Джерри.

– Мне порой кажется, что я что-то помню, но не могу понять, что именно. Словно то, что случилось, давно миновало, а его тень, ужас и страх остались. Ты понимаешь, о чем я?

Лорел кивнула. Она понимала его, как никто.

– Ну? – Джерри поднял плечо, словно защищаясь, хотя Лорел никогда на него не нападала. – Так было что-то или нет?

Что ей оставалось? Сказать правду? Нет. Есть вещи, которые невозможно рассказать собственному ребенку. Даже если завтра он уезжает учиться в университет, даже если вы сидите

на крыше под звездами. И даже если больше всего на свете тебе хочется разделить с ним твою тайну.

– Ничего такого, Джи.

Он не стал переспрашивать, не подал виду, что не поверил. Спустя некоторое время Джерри снова вернулся к звездам и черным дырам. Сердце Лорел разрывалось от любви и раскаяния. Она старалась не смотреть ему в глаза, снова видя перед собой крепкого малыша, который заплакал от страха, когда мама посадила его на землю рядом с глициниями.

На следующий день Джерри уехал в Кембридж и остался там навсегда, уважаемый ученый, из тех светил, что движут науку вперед. Порой они виделись, иногда переписывались: наспех нацарапанные отчеты о закулисных интригах (она), все более загадочные заметки на оборотах салфеток из кафетериев (он), но необъяснимым образом их отношения изменились. Дверь, когда-то широко распахнутая, захлопнулась. Лорел сомневалась, понимает ли Джерри, что конец их дружбе положил тот вечер на крыше? Со временем она начала жалеть, что утаила от него правду. Она оберегала Джерри, но, возможно, ей следовало поступить иначе.

– «Шарлотт-стрит». С вас двенадцать фунтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.